

Востокъ *Арсеній - Топиловскій*
Морозовъ.
ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ *Ф. Павленка.*

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

СОКРАТЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ФИЛОСОФСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Е. Н. Орлова.

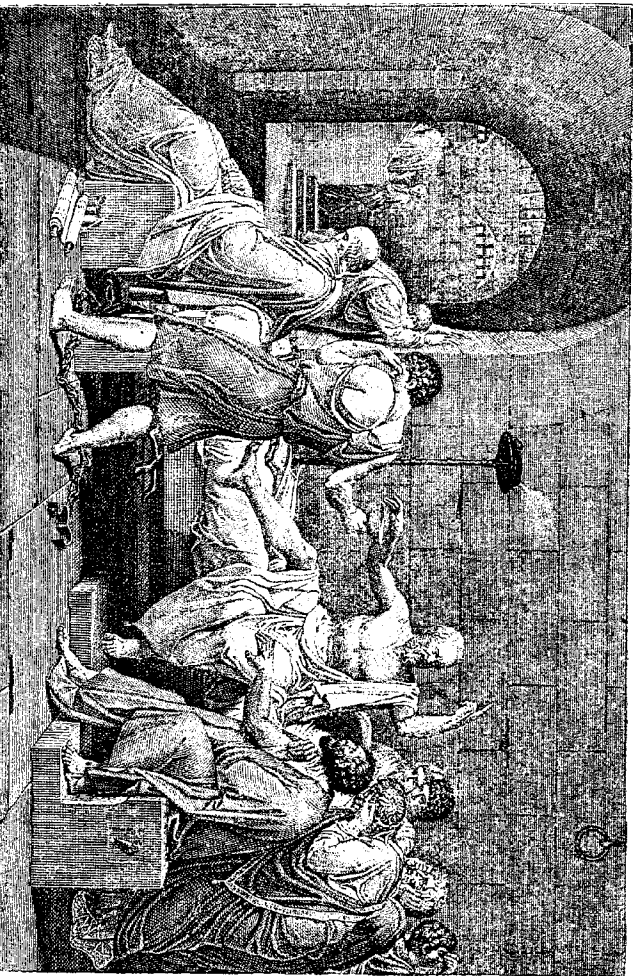
Съ изображеніемъ бюста и картиною „Смерть Сократа“.

.....
ЦѢНА 25 КОП.
.....

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»
Большая Подъячская, № 39

1897

Смерть Сократа.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 Февраля 1897 г.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

X-11-119946

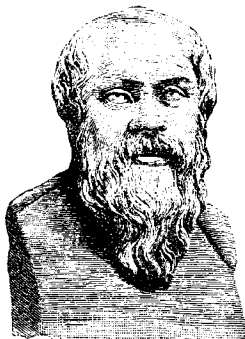
*Фрэнкнъ зъ Геттингена
зъ Мерсбургъ.
Видъбургскіа.*

ИСТОЧНИКИ:

- 1) Ксенофонтъ—Memorabilia, Paris, 1838, ed. Didot *).
- 2) Платонъ — Apologia, Phaedo, Crito, въ Opera, Paris, 1856, ed. Didot. т. I, rec. Hirschig.
- 3) Диогенъ Лаертій — Vitae Philosophorum, 2-я кн., 5-я гл., ed. Didot, Paris, 1840, recog. Cobet.
- 4) Дж. Гротъ—A History of Greece, London, 1872, 4-е изд., 7-й т. главы 67 и 68 *).
- 5) Дж. Г. Льюисъ—The History of Philosophy, London, 1871, 4-е изд., I т., стр. 106—177 *).
- 6) Ф. Ибервергъ-Гейнце—Grundriss der Geschichte der Philosophie, Berlin, 1880, I Th. §§ 26—33 *).
- 7) Э. Целлеръ—Die Philosophie der Griechen, Leipzig, 1876—1882, 4-е изд., II Th., стр 42—196.
- 8) Lasaulx—Des Socrates Leben, München, 1857.
- 9) A. Fouillée—La Philosophie de Socrates, Paris, 1874, 2 tom.

*) Сочиненія, отмѣченныя звѣздочкой, имѣются и въ русскомъ переводѣ.

*Сократъ и Платонъ
с Пифагоромъ.
Видъ Пифагора.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Мѣсто Сократа въ ряду великихъ личностей исторіи.—Его рожденіе и первоначальное образованіе.—Общественныя вліянія—политическія и эстетическія.—Выступленіе на философское поприще.—Его бѣдность и отношеніе къ вопросу о насущномъ хлѣбѣ.—Его жена и отношенія ея къ Сократу.—Взглядъ философа на софистовъ и денежные отношенія между учителемъ и учениками.—Сенсаціонная внѣшность и манеры Сократа.—Обаяніе его рѣчей и личности.—Интеллектуальныя его особенности.—Нравственныя качества.—Довольствованіе малымъ и отсутствіе аскетизма.—Взглядъ на наслажденія и страданія.—Самообладаніе.—Мужество.—Цѣльность и исключительность его натуры.—Его «демонь».

Среди всѣхъ великихъ личностей, которыми такъ богата была древняя Греція, врядъ-ли найдется одна, чье имя было бы болѣе популярно, нежели имя Сократа. Почти 23 вѣка промчалось съ того момента, когда въ тюремной кельѣ, чуть-чуть озаренной догорающими лучами солнца, скончался аѳинскій мудрецъ, ясный и спокойный, какъ лѣтній вечеръ. Человѣчество съ тѣхъ поръ успѣло пройти длинный и тернистый путь, полный борьбы и увлеченій,

горя и радостей, поражений и торжества. Народы приходили и уходили, государства слагались и разрушались, и новые идеалы и новые интересы смѣнялись какъ въ калейдоскопѣ, то появляясь на горизонтѣ исторической жизни, то исчезая во мракѣ прошлаго. Но ни эта безконечная смѣна событій, ни даже вся длинная вереница великихъ мыслителей и поэтовъ, ученыхъ и художниковъ, общественныхъ дѣятелей и моралистовъ, царившихъ надъ умами цѣлыхъ поколѣній, не могли ни на минуту заслонить отъ взоровъ человѣчества удивительный образъ Сократа. Безиримѣрная чистота его нравственнаго облика, чисто эллинское единство его ученія и жизни и полная гармоничность его поступковъ съ мотивами,—все это сплетается въ немъ въ одно неразрывное цѣлое подобно тѣмъ многообразнымъ цвѣтамъ, которые составляютъ солнечный лучъ. Біографія, конечно, не панегирикъ, и, дѣйствительно, намъ придется указать на нѣкоторые крупные недостатки въ его ученіи и міросозерцаніи; но мы напрасно стали бы искать во всей галлерей замѣчательныхъ личностей исторіи другую, которая въ нравственномъ отношеніи была-бы такъ совершенна, какъ Сократъ.

Сократъ былъ сынъ Софрониска, бѣднаго аеинскаго ремесленника-ваятеля, и Фэнареты, повивальной бабки, которая была уже разъ замужемъ до того и имѣла отъ перваго брака сына Патрокла. Преданіе, въ правдоподобіи котораго у насъ нѣтъ основанія сомнѣваться, увѣряетъ насъ, что родъ Софрониска былъ весьма древній и знатный, возводя свою генеалогію къ Дедалу, которому греческая мѣологія приписывала введеніе въ Аѣины различныхъ искусствъ и ремеслъ, и котораго сынъ Икаръ сдѣлалъ безумную попытку подняться на восковыхъ крыльяхъ къ солнцу и сталъ черезъ это олицетвореніемъ тщеты человѣческихъ стремленій къ божественному идеалу. Что Сократъ родился въ Аѣинахъ,—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но самый годъ рожденія его до сихъ поръ остался невыясненнымъ. Одни полагаютъ, что онъ увидѣлъ свѣтъ въ 471 г. до Р. Хр., другіе, — что въ 469 г., а третьи утверждаютъ даже, что въ 468 г. Вторая ихъ этихъ датъ, однако, наиболее вѣроятна, такъ какъ въ своей рѣчи на судѣ, т. е. въ 399 г., Сократъ, если вѣрить Платону, заявлялъ, что онъ — 70-ти-лѣтній старикъ. Вообще-же, первая половина его жизни—до выступленія на поприще философской дѣятельно-

сти — намъ мало извѣстна, и только при помощи постороннихъ данныхъ мы въ состояннн кое-какъ дополнить наши скудныя свѣдѣння объ этомъ періодѣ Сократовой жизни. Такъ, напримѣръ, мы почти ничего не знаемъ изъ того, чему и какъ онъ учился: мы лишь можемъ дѣлать нѣкоторыя догадки на основанн дошедшихъ до насъ свѣдѣнн о положенн образованн въ древнихъ Аѳинахъ вообще. Семи лѣтъ, вѣроятно, онъ сталъ посѣщать школу, такъ какъ начальное образованн было тогда для всѣхъ обязательное и начиналось именно съ этого возраста. Изъ исторн Греціи мы знаемъ, чему тамъ учились: чтенн, письмо и немного ариѳметики составляли единственные научные предметы тогдашнихъ школьныхъ программъ: ни языки, ни географн, ни исторн, ни естествознанн, ни другня подобныя отрасли знанн, входящн въ кругъ современнаго образованн, тогда еще не существовали, а потому не могли и преподаваться. Взамѣнъ этого греческіе мальчики и юноши обучались двумъ вещамъ, теперь почти совершенно изгнаннымъ изъ программъ нашихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведенн, — а именно, гимнастикѣ и музыкѣ. Древнн общины не знали ни постоянныхъ армій, ни подраздѣленн народа на сословія гражданское и военное. Каждый членъ ихъ такъ-же свободно владѣлъ мечомъ или лукомъ, какъ и плугомъ, и долженъ былъ ежеминутно быть на готовѣ выступить въ походъ и защищать свое отечество съ оружіемъ въ рукахъ. Тѣлесныя упражненн поэтому вездѣ въ древнемъ мірѣ играли большую роль: это былъ предметъ государственной необходимости; но еще большую роль они играли въ Греціи, — Спартѣ и Аѳинахъ, — гдѣ военное дѣло и было поднято на степень искусства. Малочисленныя, но стройныя и дисциплинированныя арміи ихъ разбили на голову несмѣтныя, но дикня полчища персовъ, и этимъ онѣ не мало были обязаны своей научной системѣ гимнастики.

Музыка также имѣла значенн болѣе широкое, нежели теперь: она была не только однимъ изъ изящныхъ искусствъ, способствующихъ всестороннему культурному развитн личности, но и учрежденнемъ общественной важности. Она была тѣсно связана со всей религіозно-нравственной системою, на которой покоилось греческое общество, и подѣ ней разумѣлось не только пѣнн и игра на инструментѣ, но и чтенн и заучиванн наизусть стиховъ изъ на-

ціональныхъ поэтовъ, какъ Гомеръ и Гезіодъ, — этихъ несокрушимыхъ и чуть-ли не главныхъ авторитетовъ въ области религіи и морали. Въ сферу музыки входила также и пляска, которою сопровождались религіозныя и другія процессіи, занимавшія столь высокое мѣсто въ общественной жизни Греціи.

Всему этому, стало быть, долженъ былъ обучаться и Сократъ, но, конечно, было бы печально, если-бы образованіе его ограничилось однимъ этимъ. Плутархъ, — или, скорѣе, псевдо-Плутархъ — передаетъ намъ, что богатый Критонъ, въ послѣдствіи ученикъ и другъ Сократа, встрѣтившись съ послѣднимъ, тогда еще юношею, былъ такъ пораженъ его умомъ и дарованіями, что взялъ его изъ отцовской мастерской и послалъ на свой счетъ къ лучшимъ учителямъ того времени. Достоверность этого разсказа, по хронологическимъ и другимъ соображеніямъ, справедливо оспаривается; но тотъ фактъ, что Сократъ еще въ юные годы ходилъ слушать выдающихся философовъ и изучать подъ ихъ руководствомъ всѣ высшія области тогдашняго знанія, весьма вѣроятенъ. Онъ былъ довольно хорошо знакомъ съ геометрией и астрономіей и имѣлъ сносны знанія по философіи въ системахъ Парменида, Гераклита, Демокрита, Анаксагора и Эмпедокла. Предпослѣдній даже, говорятъ, былъ его учителемъ, но насколько это вѣрно, мы не беремся судить. Во всякомъ случаѣ, ни этотъ философъ, ни другіе не сыграли въ развитіи Сократа большой роли. Греческая жизнь, какъ мы это увидимъ ниже, уже оставила далеко позади космо-физическія умозрѣнія старыхъ мыслителей, и Сократъ напрасно искалъ у нихъ отвѣта на возникшіе въ его головѣ вопросы. Онъ не нашелъ удовлетворенія ни въ одной изъ существовавшихъ тогда школъ и одинаково отрицательно относился къ Гераклиту, какъ къ Демокриту, къ Пармениду, какъ къ Эмпедоклу, считая ихъ всѣхъ мечтателями, даромъ потратившими свои силы на предметы, недоступные нашему познанію и маловажные по своему практическому значенію. Сократа воспитала сама жизнь: это была та школа, которая замѣнила ему всякую теоретическую подготовку и умственную дисциплину, столь важныя въ большинствѣ другихъ случаевъ. То былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ моментовъ въ исторіи европейскаго человѣчества. Персидскія войны только-что окончились, и Востокъ отступилъ передъ соединенными силами

Элады, тогда впервые сознавшей свое расовое единство и общность своей культуры. Громадный подъем національнаго духа былъ непосредственнымъ результатомъ этого сознанія, и одновременно съ кореннымъ переворотомъ въ области экономическихъ, политическихъ и нравственныхъ отношеній страны послѣдовалъ тотъ взрывъ благороднѣйшихъ эмоцій и идей, который вызвалъ въ свѣтъ безпримѣрный въ исторіи расцвѣтъ поэзіи и искусства во всѣхъ ихъ формахъ. Читатель, любопытствующій поближе познакомиться съ этой замѣчательной эпохой, долженъ обратиться къ всеобщимъ исторіямъ Греціи; здѣсь же мы можемъ лишь указать на тѣ черты въ условіяхъ жизни того времени, которыя не могли не имѣть громаднаго *воспитательнаго* значенія для развитія Сократовской личности. Она стала слагаться въ періодъ, непосредственно слѣдовавшій за періодомъ освободительныхъ войнъ: побѣдоносный отголосокъ ихъ не успѣлъ еще умолкнуть, и на подмосткахъ жизни все еще подвизались герои незабвенныхъ Марафона и Саламина. Аѳинамъ, родинѣ Сократа, суждено было принять особенно дѣятельное участіе въ борьбѣ за національное существованіе, и на нихъ-то поэтому съ наибольшей силою отразились всѣ перемѣны, теперь происшедшія. Онѣ достигли кульминаціоннаго пункта въ своемъ политическомъ и гражданскомъ развитіи: послѣднія оковы, тяготѣвшія еще на правоспособности народной массы, были теперь сняты, и все политическое зданіе отъ самаго верху до низу было перестроено согласно съ требованіями новой жизни. За каждымъ свободнымъ членомъ аѳинской общины былъ обезпеченъ максимумъ правъ личныхъ и гражданскихъ, и, что не менѣе важно, пользованіе этими правами вмѣнялось общественнымъ мнѣніемъ въ обязанность каждому. Древнія общества не знали принципа представительства, а считали за необходимое условіе нормальной политической жизни и за единственную гарантію своей свободы личное участіе гражданъ въ отпращиваніи политическихъ функцій. Самъ державный народъ въ своей коллективной личности являлся законодателемъ, судьей и администраторомъ, и нигдѣ теорія не реализовалась съ ббльшей полнотою, чѣмъ въ Аѳинахъ. Народное собраніе—агора—было высшимъ политическимъ органомъ страны: оно избирало должностныхъ лицъ, обсуждало виѣшнюю и внутреннюю политику, постановляло бюджетъ,

издавало законы, отправляло правосудіе и имѣло верховный надзоръ за администраціей, религіей и общественной нравственностью. Такого рода политическая жизнь, естественно, являлась могучимъ факторомъ въ развитіи не только общественныхъ инстинктовъ, но и цѣлаго ряда моральныхъ и интеллектуальныхъ качествъ, вырастающихъ лишь на почвѣ свободныхъ гражданскихъ отношеній.

Но и помимо соціальныхъ вліяній афинская жизнь представляла столько стимуловъ, какъ ни одна историческая обстановка другого какого-нибудь народа. Эллинская культура достигла своего зенита. Искусство — пластика, живопись, поэзія и драма — сбросило стѣснявшія его архаическія формы и условности и предстало во всей красотѣ и граціи идеализированной природы. Акрополь украсился благороднѣйшими произведеніями человѣческаго генія въ области архитектуры и скульптуры, а на подмосткахъ народныхъ театровъ происходили музыкальныя и поэтическія состязанія и ставились безсмертныя драмы Эсхилова и Софоклова. На площадяхъ, рынкахъ и улицахъ, подъ величественными портиками или подъ открытымъ небомъ, сверкающимъ южной синевою, собирались группы горожанъ и раздавались оживленные и мѣткіе разговоры о высочайшихъ проблемахъ жизни и искусства. Все кипѣло избыткомъ силъ, интеллектуальныхъ и физическихъ, идеи сталкивались и скрещивались, мнѣнія сходились и шлифовались, и вся духовная жизнь билась ускореннымъ и горячимъ пульсомъ.

Въ такой средѣ выросъ Сократъ, и можно смѣло утверждать, что лучшей воспитательной обстановки было бы трудно придумать. Онъ унаслѣдовалъ отъ отца его ремесло, и вплоть до 2-го вѣка по Р. Хр. по дорогѣ къ Акрополю иностранцамъ показывали группу одѣтыхъ въ покрывала Харитъ (грацій), которая приписывалась Сократу. У насъ, въ настоящее время, нѣтъ никакой возможности рѣшить, въ самомъ ли дѣлѣ эта группа была его работой, но мы тѣмъ не менѣе вправѣ усумниться въ этомъ, встрѣчая со всѣхъ сторонъ завѣренія, что онъ оставилъ свое ремесло рано и, повидяному, никогда не чувствовалъ большой любви къ нему. Что заставило его рѣшиться на этотъ шагъ, мы также не знаемъ. Сомнительные авторитеты передаютъ, что 25-ти лѣтъ отъ роду онъ встрѣтилъ Протагора, знаменитаго философа того времени, который своими рѣчами и идеями оказалъ такое сильное впечат-

тлѣніе на его воспримчивую натуру, что Сократъ рѣшилъ посвятить себя исключительно философіи. Особенно невѣроятнаго въ этомъ ничего нѣтъ, какъ нѣтъ его въ другомъ преданіи, приписывающемъ рѣшающее значеніе для мысли Сократа встрѣчу его съ Аспазіей. Мы можемъ лишь оспаривать — что мы и дѣлаемъ — фактъ *личнаго* вліянія этихъ выдающихся личностей на Сократово міросозерцаніе и судьбу, но никакъ ихъ посредствующую роль какъ представителей и основателей особыхъ теченій въ афинской жизни и мысли той эпохи. Какъ мы это увидимъ ниже, Сократовская философія была истымъ законнымъ дѣтищемъ своего времени, а потому являлась крестницей и Протагора, и Аспазіи, и Продикка и многихъ другихъ великихъ дѣятелей, которымъ Сократъ могъ быть обязанъ своимъ развитіемъ и безъ личнаго знакомства съ ними. Какъ бы то ни было, Сократъ довольно рано почувствовалъ стремленіе къ философской дѣятельности, но только послѣ долгой, почти 15-ти лѣтней работы мысли, — о которой, къ сожалѣнію, до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній, — онъ рѣшился выступить на публичное поприще въ качествѣ учителя философіи. Это не значитъ, конечно, что всѣ эти годы онъ провелъ въ совершенномъ уединеніи и неизвѣстности, разрабатывая свое міросозерцаніе въ собственномъ мозгу, а затѣмъ, подобно Афинѣ-Палладѣ, выскочившей въ полномъ вооруженіи изъ головы Зевса, явился въ одно прекрасное утро на городскую агору съ готовою и стройною системою идей. Дѣло, вѣроятно, обстояло такъ, что, не бросая еще своей профессіи, онъ все больше и чаще занимался проблемами философіи, то раздумывая надъ ними за работою, то въ свободное время дѣлясь своими мыслями съ друзьями. Такъ дѣло продолжалось, быть можетъ, цѣлые годы, но по мѣрѣ того, какъ взгляды его прояснялись и опредѣлялись, подобно очертаніямъ материка средь спадающей воды, онъ все чаще осмѣливался выходить на площадь, затрагивать разглагольствующихъ тамъ риторовъ, диспутировать съ ними и излагать свои мнѣнія, свои идеи. Онъ все яснѣе и яснѣе начиналъ сознавать свое превосходство надъ соперниками, успѣхъ стимулировалъ его мысль и рвеніе, онъ становился популярнѣе, его окружала толпа, — и, наконецъ, бросивъ окончательно свое ремесло, онъ совершенно отдается своей новой дѣятельности. Съ тѣхъ поръ онъ уже болѣе не

принадлежитъ себѣ, и къ 430 г., когда Сократу было уже около 40 лѣтъ, мы застаемъ его на томъ посту, на которомъ онъ геройски простоялъ до самаго момента своей смерти. Во имя этой дѣятельности онъ забылъ все и вся,—и семью, и заботу о насущномъ хлѣбѣ, и ремесло, и политику. Онъ былъ бѣденъ: преданіе о томъ, что отецъ оставилъ ему землю и 80 минъ деньгами (мина—40 руб.), которыя онъ отдавалъ въ ростъ, мы можемъ, не колеблясь, причислить къ тѣмъ клеветамъ, которыя такъ много и такъ усердно распространяли послѣ его смерти эпикурейцы и другіе философскіе и политическіе его противники. Мы имѣемъ точное свидѣтельство Ксенофонта, человѣка, который особенно близко стоялъ къ философу,—что все его имущество, недвижимое и движимое, врядъ ли стоило больше пяти минъ; да и самъ Сократъ съ трогательной простотой заявляетъ на судѣ: «Моя работа такъ поглощаетъ меня, что у меня нѣтъ времени ни заниматься вопросами политики, ни заботиться о своемъ матеріальномъ благосостояніи. Я—нищій, благодаря моей покорности велѣніямъ Божества».

Само собою разумѣется, что такое отношеніе къ «земнымъ благамъ» не проходило ему даромъ. Судьба наградила его женою, вульгарность и сварливость которой доставили ей такую же громкую репутацію, какъ супружескія добродѣтели другой греческой женѣ—Пенелопѣ. То была знаменитая Ксантиппа, ставшая притчей во языцѣхъ уже въ свое время и продолжающая быть таковою и понынѣ. Говорили, что у Сократа была еще одна жена, —нѣкая Миртона, дочь или внучка Аристида: по однимъ источникамъ, философъ былъ женатъ на ней до Ксантиппы, по другимъ послѣ нея, а по третьимъ—даже одновременно съ нею; но преданіе это столь очевидная нелѣпность, что новѣйшіе біографы даже и не упоминаютъ о немъ. Во всякомъ случаѣ, былъ ли женатъ Сократъ однажды, или дважды или больше,—роль въ его судьбѣ сыграла одна,—безсмертная Ксантиппа. Какъ и многимъ другимъ женщинамъ въ ея положеніи, ей тяжело было видѣть, какъ ея мужъ, во имя какихъ то завиральныхъ идей и непонятныхъ для нея, какъ китайская грамота, идеаловъ, махнулъ рукой на хозяйство и семью, проводя цѣлые дни на улицахъ въ «безплодныхъ» разговорахъ и оставляя ее съ тремя дѣтьми не только безъ

средствъ, но часто и безъ куска хлѣба. Ее еще больше бѣсило, когда она видѣла другихъ подобныхъ ему «болтуновъ» богатѣющими день ото дня, въ то время, какъ ея Сократъ, ходившій въ заплатанномъ хитонѣ, съ гордостью гидальго отказывался отъ подарковъ и помощи, которые ему такъ часто и такъ деликатно предлагались людьми различныхъ положеній—отъ Архелая, царя македонскаго, до собственныхъ его учениковъ. Естественно, что она ему часто устраивала такія сцены, что онъ долженъ былъ бѣжать изъ дому, утѣшаясь лишь тѣмъ, что, перенося эти испытанія, онъ пріучается тѣмъ переносить другія, еще большія. Разъ даже, говорятъ, она въ сердцахъ облила его ушатою помоевъ, но философъ только утерся, добродушно приговаривая, что такой катастрофы какъ разъ и слѣдовало ожидать, такъ какъ послѣ грома всегда бываетъ дождь. Словомъ, Ксантиппа была въ полномъ смыслѣ этого слова «дома съ мужемъ сатана», но, къ сожалѣнiю, она далеко не была ангеломъ и при людяхъ: она не разъ выгоняла изъ дому его учениковъ и друзей, осыпая ихъ отборной бранью, на какую только способна вульгарная женщина. При всемъ томъ, мы не станемъ на нее негодовать, какъ это принято дѣлать; напротивъ, мы отдадимъ ей полную справедливость за ея несомнѣнную, хотя и своеобразную, любовь къ мужу и дѣтямъ, заботы о которыхъ, быть можетъ, занимали въ ея умѣ больше мѣста, нежели мысль о самой себѣ. Ксантиппа, въ сущности, далеко не была зла: она лишь не понимала Сократа и, не видя матеріальныхъ, т. е. денежныхъ результатовъ его дѣятельности, естественно, возставала со всею силою своей узкой души противъ его «безъпорядочнаго» образа жизни. Но въ самомъ ли дѣлѣ это уже такое крупное и—главное—рѣдкое преступленіе, какъ на это принято смотрѣть? Несомнѣнно, она не была идеальной женою,—любящимъ другомъ и товарищемъ, соучастницей въ работѣ мужа и пр. и пр.; но много-ли такихъ идеальныхъ женъ найдется теперь? Нынче мужей рѣдко обливаютъ грязною водою, но непониманіе, равнодушiе или черствость царятъ въ настоящее время съ такою же силою, какъ и прежде, и смотрѣтъ на Ксантиппу, какъ на какое то чуть ли не чудовище, по крайней мѣрѣ, лицемѣрие.

Съ другой стороны, было бы странно, чтобы не сказать больше, упрекать Сократа за его небрежное отношеніе къ женѣ и дѣтямъ.

какъ то дѣлають нѣкоторые біографы въ своемъ рвеніи реабилитировать погранныя репутаціи вродѣ Ксантиповой. Безъ сомнѣнія, Сократъ не былъ образцовымъ семьяниномъ, но онъ былъ образцовымъ человѣкомъ, — а одно вполне стоило другого. Очень можетъ быть, что, оставаясь при своемъ ремеслѣ, онъ сдумалъ бы довольно сносно примирить интересы семьи съ требованіями долга передъ обществомъ; но разъ сознаніе этого долга настолько заполонило его умъ, что отгѣснило на задній планъ все прочее, даже благополучіе его собственное и родныхъ ему лицъ, то намъ слѣдуетъ скорѣе удивляться безкорыстію и благородству Сократа, нежели осуждать его равнодушіе къ требованіямъ практической жизни. Сдѣлать же изъ своей дѣятельности карьеру или профессію, какъ то дѣлали другіе, или, по крайней мѣрѣ, обставить ее такъ, чтобы она доставляла ему средства къ жизни, было для него рѣшительно невозможно: по его глубокому убѣжденію, взиманіе платы за преподаваніе или даже принятіе добровольныхъ подарковъ было однимъ изъ величайшихъ актовъ безнравственности, какой голько можетъ совершить философъ. Мы всѣ знаемъ, какія страстные нападки со стороны Сократа, а еще больше Платона и Аристотеля, навлекали на себя такъ называемые софисты за то, что они взимали плату за слушаніе лекцій и ставили ее непременнымъ и предварительнымъ условіемъ допущенія въ число своихъ учениковъ. Что и мы, въ нашъ вѣкъ, когда все, не только физическій, но и умственный трудъ и способности выносятся на рынокъ, продолжали повторять эти самыя стереотипныя фразы о безнравственности, продажности и корыстолюбіи софистовъ, было верхомъ нелѣпности, и, дѣйствительно, со времени Грота, — перваго, кто осмѣлился поднять оружіе въ защиту этихъ людей, наши фарисейскія причитанія стали понемногу умолкать; но, съ другой стороны, мы все же не должны упускать изъ виду той доли справедливости, которая заключалась въ словахъ Сократа и Платона, когда они обвиняли софистовъ въ торгашествѣ и безстыдствѣ. Правда, въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь, экономическія отношенія Аѣинъ, благодаря значительному раздѣленію труда и системѣ рыночной отчуждаемости продуктовъ, достигли такой сложности, что человѣкъ, отдававшій всѣ свои силы и время на преподаваніе философіи, имѣлъ право, за неимѣніемъ другихъ средствъ

къ жизни, требовать отъ общества необходимой поддержки; но то именно обстоятельство, что за такой поддержкой ему приходилось обращаться къ лицамъ, приходившимъ его слушать, и являлось нравственной аномаліей въ глазахъ идеальныхъ жрецовъ философіи; они смотрѣли на денежные отношенія между учителемъ и ученикомъ какъ на постыдную торговлю священнѣйшимъ достоинствомъ человѣческой личности—его разумомъ и свободою. Обучать мудрости, т. е. насаждать въ сердца своихъ ближнихъ нравственные идеалы и посвящать ихъ въ тайны природы и жизни, вмѣнялось каждому человѣку въ долгъ, самый благородный и священный: отказаться отъ него или сдѣлать его предметомъ купли и продажи казалось неслыханнымъ преступленіемъ. Что такого рода взгляды не были присущи одному Сократу и его послѣдователямъ, а всему древнему міру, гдѣ наемный трудъ въ тѣхъ или другихъ формахъ почти не существовалъ, мы видимъ, напр., изъ того, что въ Римѣ вплоть до I вѣка по Р. Хр. адвокатскій гонораръ считался позорнымъ; да и въ наше время нѣкоторыя профессіи, какъ врачебная или адвокатская, до сихъ поръ сторонятся коммерческихъ сдѣлокъ и не входятъ въ кругъ рыночнаго спроса и предложенія. Тѣмъ понятнѣе должно быть для насъ негодование Сократа или Платона на софистовъ: явленіе было новое и казалось не лучшимъ, чѣмъ торговля тѣломъ какой нибудь Федоры или Фрины. «Мы всѣ знаемъ, Антифонъ», говоритъ Сократъ одному изъ своихъ друзей: «что мудростью, какъ и красотою, можно располагать двояко. Если женщина беретъ себѣ въ друзья человѣка, котораго она считаетъ честнымъ и хорошимъ, мы считаемъ ее также честной и хорошей; но если она продаетъ свою красоту всякому, кто готовъ уплатить опредѣленную цѣну, то мы называемъ ее проституткою. Точно также и съ мудростью: того, кто дружится съ честнымъ человѣкомъ и научаетъ его всему тому хорошему, которое онъ знаетъ самъ, мы также называемъ честнымъ человѣкомъ; но если кто продаетъ свою мудрость за деньги всякому, кто только готовъ ее купить, то онъ нечто иное, какъ софистъ,—проститутъ философіи». Эти слова довольно таки не двусмысленны, и было бы странно ожидать, чтобы Сократъ, у котораго, какъ ни у кого другого, слово и дѣло были органически связаны между собою, отступилъ отъ своихъ убѣжденій въ виду тѣхъ или другихъ практическихъ соображеній.

Итакъ, начиная съ зрѣлаго возраста, мы уже застаемъ Сократа подвизающимся въ качествѣ учителя философіи и нравственности. Какъ мы уже сказали, онъ никогда ничѣмъ другимъ не занимался — ни политическими, ни частными дѣлами: послѣдними онъ прямо пренебрегалъ, а первыя считалъ менѣе важными, нежели тѣ, которыми онъ себя посвятилъ. Сократъ никогда почти не выѣзжалъ изъ Аѳинъ: только разъ отлучился онъ въ походъ, а другой — на Истмійскія игры. Онъ не чувствовалъ влеченія къ природѣ и ея красотамъ, а предпочиталъ имѣть дѣло съ людьми, интересуясь ими не только какъ «документами», но и какъ дорогими братьями, нуждающимися въ умственномъ и нравственномъ просвѣщеніи. Съ равнаго утра его можно было видѣть на улицѣ. У него не было опредѣленнаго мѣста и опредѣленныхъ собесѣдниковъ для разговоровъ: онъ ходилъ куда попало — на рынокъ, на площадь, въ какую-нибудь школу, въ ближайшую лавку или мастерскую — словомъ, повсюду, гдѣ только могъ встрѣтить людей, интересующихся вопросами философіи и этики. Его окружали ученики, и къ нимъ скоро присоединялись поклонники, знакомые или просто любопытствующіе зѣваки, привлеченные страннымъ зрѣлищемъ и странными рѣчами. Одна фигура и манеры Сократа способны были произвести сенсацию въ этомъ небольшомъ городкѣ Аѳинъ — центрѣ и фокусѣ античной цивилизаціи со всѣмъ ея блескомъ и лоскомъ и поклоненіемъ формальной красотѣ. Низкаго роста и лысый, съ раздутымъ животомъ, толстой и короткой шеей, выпученными глазами, толстыми губами и вздернутыми ноздрями, Сократъ казался живымъ сатиромъ, сорвавшимся съ пьедестала и внезапно появившимся среди боговъ. Онъ не любилъ изящныхъ пріемовъ, которыми блистали прочіе учителя философіи: онъ говорилъ рѣзко и отрывисто, не закругляя періодовъ и не украшая ихъ риторическими фигурами. Его рѣчи — были рѣчи простовародья съ ихъ безыскусственностью, прямою, грубоватостью и иллюстраціями изъ обыденной жизни. Съ первой минуты поэтому онъ не могъ нравиться, и ничего, кромѣ смѣха, его видъ и слова не возбуждали въ новичкѣ; но стоило только кому-нибудь — случайному прохожему, замѣшавшемуся въ толпѣ, — немного прислушаться, и улыбка сходила съ его устъ и готовая насмѣшка застрѣвала гдѣ-то глубоко въ гортани: подъ этой непривлекательной словесной оболочкой онъ

вдругъ подмѣчалъ такую оригинальность мысли, такую смѣлость и широту идей, такую мощь логики, такую страсть — и все это подернутое неподражаемо тонкой ироніей, — какихъ онъ не могъ себѣ представить ни въ одномъ человѣкѣ. Впечатлѣніе получалось огромное, и этотъ самый прохожій, который прежде натолкнулся на Сократа совершенно случайно, теперь отыщетъ его нарочно и станетъ въ первые ряды толпы, чтобы поближе разглядѣть это странное существо, чтобы не пропустить ни одного его слова и, быть можетъ, даже, чтобы уловить удобный моментъ и самому заговорить съ нимъ. И если только въ душѣ этого прохожаго теплилась искра любознательности и жажды къ самосовершенствованію, онъ почувствуетъ себя неудержимо привлеченнымъ къ этому волшебнику и, какъ бы очарованный таинственной силою рѣчей, станетъ слѣдовать за нимъ, какъ и многіе другіе. Вотъ что говорить въ Платоновскомъ «Пиру», въ присутствіи самого Сократа, его бывший ученикъ, а нынѣ отщепенецъ Алквивадъ, — человѣкъ, не легко поддававшійся какимъ-бы то ни было облагораживающимъ вліяніямъ: «Я слыхалъ не мало ораторовъ, но ни одинъ изъ нихъ, ни даже самый лучшій, не производилъ на меня особеннаго впечатлѣнія. Не то совсѣмъ, когда ты говоришь, Сократъ: будь то мужчина, иль женщина, иль ребенокъ — все равно: ими всѣми, когда они тебя слышатъ, или имъ передаютъ хотя бы изъ третьихъ устъ твои слова, овладѣваетъ какое-то неизъяснимое волненіе и удивленіе. И я самъ, если бы не боялся показаться вамъ, господа, слишкомъ пьянымъ, готовъ былъ-бы подъ клятву показать, какъ дѣйствуютъ на меня Сократовы слова: всякій разъ, какъ я его слышу, мое сердце бьется во мнѣ, какъ изступленное, и слезы льются ручьемъ изъ моихъ глазъ. Я наблюдалъ — могу васъ увѣрить — то-же самое и у другихъ. Я слыхалъ Перикла и другихъ краснорѣчивыхъ ораторовъ; я сознавалъ, что они говорятъ хорошо, но никогда не испытывалъ ничего подобнаго: они не волновали моей души, они не заставляли меня презирать себя за свою рабью натуру. Но вотъ этотъ сатиръ, этотъ Марсій приводилъ меня въ такое состояніе, что я — ты это самъ отлично знаешь, Сократъ — прямо чувствовалъ невозможность продолжать такъ жить, какъ я жилъ доселѣ, и я увѣренъ, что не затыкай я ушей своихъ отъ его рѣчей, и не убѣгай я отъ его голоса, какъ отъ

пѣнія Сирены, меня постигла-бы та же участь, что и многихъ другихъ: я состарѣлся бы, сидя у его ногъ... О, сколько разъ», заключаетъ свою рѣчь съ какимъ-то воплемъ отчаянія этотъ нравственный урокъ: «о, сколько разъ желалъ я, чтобы онъ поскорѣе умеръ! Но вмѣстѣ съ тѣмъ я сознавалъ, что, умри онъ на самомъ дѣлѣ, моему горю не было-бы предѣловъ,—оно было-бы глубже, нежели моя радость, и я самъ не зналъ чего желать!».

Велико, могуче должно было быть вліяніе Сократа на умы слушателей, чтобы даже такое неукротимое, испорченное сердце, какъ Алкивіада, трепетало и билось въ его сѣтяхъ, какъ только что пойманная птица!

Но не одними рѣчами околдовывалъ мудрецъ. Тотъ же Алкивіадъ, сравнивая его со статуэтками Силеновъ, которыя продавались во всѣхъ лавкахъ и внутри которыхъ, если ихъ раскрыть, можно увидѣть изображенія боговъ, указалъ вмѣстѣ съ тѣмъ на тайну обаянія Сократовой личности: подъ этой уродливой и вульгарной оболочкой скрывалась такая мощная и въ то же время уравновѣшенная натура, какая въ представленіи грековъ могла быть только у боговъ.

На первый взглядъ Сократъ можетъ показаться холоднымъ и безчувственнымъ—подобно стальной машинѣ—мыслителемъ, проламывающимъ себѣ путь, не останавливаясь ни передъ какими ображеніями практическаго или сентиментальнаго характера. Онъ рѣдко входитъ въ духовный міръ своего собесѣдника и рѣдко чувствуетъ къ нему ту симпатію, которая прощаетъ чужія слабости и стносится съ уваженіемъ даже къ предрассудкамъ. Собесѣдникъ былъ для него, прежде всего, больной пациентъ, котораго надлежитъ вылечить во что бы то не стало—даже вопреки его желанію, и извивается-ли онъ отъ боли подъ клинической сталью, протестуетъ-ли онъ всѣми фибрами своего окровавленнаго сердца, вырывается-ли вмѣстѣ съ мертвымъ и живое мясо,—до всего этого Сократу нѣтъ дѣла: онъ продолжаетъ оперировать подобно хирургу, безжалостно и безстрастно вырѣзывая мнѣнія и вѣрованія, которыя кажутся ему вредными и ложными. Съ убійственной проніей осмѣивалъ онъ священнѣйшія чувства человѣка, дерзкой и злорадующей рукою сбрасывалъ онъ чужіе идолы, попирая ихъ ногами, и никогда не задумывался о томъ, что даже мучи-

тельную занозу слѣдуетъ вынимать со всею нѣжностью и мягкостью любящаго сердца. Въ виду этого неудивительно, что нѣкоторые біографы обвинили Сократа въ сухости, черствости и недостаткѣ воображенія; но это, значитъ, по нашему мнѣнію, упускать изъ виду ту черту его духовной личности, которая лежитъ въ основѣ всей его дѣятельности и жизни, и которая—какъ это ни покажется парадоксальнымъ—является причиною всей кажущейся его безчувственности. Великія мысли, какъ говоритъ Вовернагъ, исходятъ изъ сердца, и подо льдомъ Сократовой мысли, дѣйствительно, текла горячая лава страсти. То была страсть его къ истинѣ,—именно, не любовь, а страсть, все поглощающая, жгучая и ненасытная, для которой нѣтъ удовлетворенія въ самомъ обладаніи. Истина для Сократа была выше всего: онъ былъ ея рабъ, готовый въ поискахъ за нею стучать во всѣ двери и лобызать слѣды ея ногъ. Съ настойчивостью пылкаго юноши онъ слѣдовалъ за нею повсюду—отъ храма боговъ до скромной обители ремесленника,—и каждый шагъ, приближавшій его къ ней, казалось, еще больше разжигалъ его страсть, его желаніе ея обладать. Стремленіе его къ ней было неуклонно, и гдѣ только знакомый обликъ вѣчно-юной и вѣчно-прекрасной возлюбленной мелькалъ передъ его взоромъ, онъ забывалъ все окружающее и отдавалъ ей всѣ свои помыслы, все свое существо. Однажды подъ Потидеей, во время военной стоянки, онъ простоялъ цѣлыя сутки, отъ зари до зари, погруженный въ мучительную думу: солнце взошло и закатилось, сумерки окружили его таинственной мглой, луна облила его своимъ серебристымъ сіяніемъ, а онъ все съ поникшей головою продолжалъ стоять на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ неподвижная статуя, не замѣчая времени и не чувствуя ни холода, ни голода, ни утомленія. Только когда занялась вторая заря, очнулся онъ отъ долгаго своего забытья: занимавшій его вопросъ, очевидно, былъ, наконецъ, разрѣшенъ,—и, поднимъ взоры на встрѣчу первымъ лучамъ солнца, онъ тихо совершилъ молитву и возвратился въ свою палатку. Такъ властно царила надъ его душою истина: такъ беззавѣтно и неудержимо стремился онъ къ ней! Нужно ли послѣ этого удивляться его строгому и суровому отношенію къ другимъ? Истина — это солнце, все освѣщающее и все согрѣвающее: стоитъ-ли хлопотать и тужить о томъ, что чьи-то совиные глаза

ослѣпляются, и гады, живущіе во тьмѣ и сырости, издають хриплые протесты и корчатся отъ боли? Только потому, что онъ такъ пламенно любилъ истину, могла развиться въ немъ безчувственность къ страданіямъ грѣха и заблужденія: люби онъ ее меньше, онъ былъ бы и снисходительнѣе, и мягче, но не былъ бы тѣмъ, чѣмъ онъ былъ. Безъ сомнѣнія, онъ многихъ оттолкнулъ и сдѣлалъ врагами, но тѣ, которые имѣли мужество простоять подъ его безжалостнымъ ножомъ до конца, привязывались къ нему, какъ къ своему благодѣтелю, даровавшему имъ вторую и лучшую жизнь.

Обратимся теперь къ другимъ его особенностямъ, болѣе популярнымъ и болѣе доступнымъ глазамъ поверхностнаго наблюдателя. Всѣ свидѣтельства сходятся во мнѣніи, что отъ природы онъ отличался страстностью и даже склонностью къ чувственности, но всѣ они въ одинъ восторженный голосъ завѣряють, что ни одинъ человекъ ни до, ни послѣ него не выработалъ въ себѣ такого самообладанія, такого умѣнья держать себя подъ уздою, какъ Сократъ. Онъ былъ такъ умѣренъ въ пищѣ и питьѣ, что всѣ удивлялись, какъ онъ могъ жить. Круглый годъ, не взирая на погоду, въ сильную ли жару или трескучій морозъ, онъ носилъ одну и ту же плохонькую одежду и ходилъ босой съ непокрытой головою. Одаренный крѣпкимъ и сильнымъ организмомъ, онъ еще болѣе закалилъ свое тѣло и могъ переносить лишенія и труды, какъ никто. Подъ Потидеей, когда афинская армія была отрѣзана отъ обозовъ и страшно страдала отъ голода, а морозы стояли такіе суровые, что солдаты рѣдко выходили изъ палатокъ и укутывали ноги мѣхомъ или соломой, одинъ Сократъ дѣлалъ свое дѣло, какъ ни въ чемъ не бывало, и босикомъ, въ своемъ обычномъ хитоникѣ, маршировалъ по снѣгу и льду, какъ по зеленой травѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не былъ аскетъ: никто дальше его не могъ быть отъ той уродливой морали, въ которую такъ часто впадаютъ другіе моралисты схожихъ съ нимъ взглядовъ. Онъ былъ сынъ своего времени, для котораго земная жизнь не была ни испытаніемъ, ни юдолью, а прекрасной вещью, которою слѣдуетъ пользоваться со всею радостью и безмятежностью ребенка. И вино, и женщины, и пѣсни имѣли для него, какъ и для Лютера, реальное значеніе, и если онъ все-таки настаивалъ на необходимости для всякаго умѣрять свои желанія и ограничивать свои нужды, то не изъ ви-

довъ умерщвленія плоти, какъ сѣдалища грѣха, а потому, что считалъ внутренній міръ человѣка важнѣе физическаго и внѣшняго. Первый долженъ быть независимъ отъ послѣдняго, и каковы бы ни были наслажденія и страданія, которыя мы испытываемъ, мы не должны поддавать подъ ихъ вліяніе. А что другое можетъ вести къ такимъ результатамъ, какъ не постоянное и непрерывное упражненіе въ умѣренности и самообузданіи? Стать выше чувственныхъ аппетитовъ и господствовать надъ ними, или даже поддаваться имъ, но по собственному желанію,—это высшая цѣль свободнаго человѣка, стремящагося къ божественному идеалу: «не нуждаться ни въ чемъ», говорилъ Сократъ: «значить быть божествомъ, а нуждаться лишь въ маломъ, значитъ наиболѣе близко походить на него. А такъ какъ божественная природа—совершенство, то приблизиться къ ней—значитъ приблизиться къ совершенству». Онъ самъ и былъ близокъ къ этому идеалу,—не столько тѣмъ, что, живя малымъ, онъ, по словамъ Ксенофонта, жилъ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы въ достаткѣ, сколько тѣмъ, что умѣлъ сохранять ясность и невозмутимость духа при всевозможныхъ обстоятельствахъ. Онъ, напримѣръ, рѣдко пивалъ, но когда уже пилъ, то пилъ какъ никто, и въ то время какъ его собутыльники валялись подъ столомъ, онъ одинъ, несмотря на то, что выпилъ больше всѣхъ, оставался трезвъ съ такой же спокойной и ясной головой, что и прежде. Это было то самообладаніе, та ровность настроенія, которой не могла не удивляться сама Ксантиппа: «онъ у меня всегда возвращается домой», говаривала она своимъ сосѣдкамъ: «точно съ такимъ выраженіемъ лица, съ какимъ уходилъ»,—и, конечно, лучшей похвалы нельзя и ожидать.

Въ связи съ этимъ самообладаніемъ стоитъ его мужество. Какъ мы выше уже указали, онъ далеко не былъ нечувствителенъ къ удовольствіямъ и страданіямъ нашего брэннаго тѣла: напротивъ, онъ охотно шелъ на встрѣчу первымъ и не менѣе охотно избѣгалъ вторыхъ. Но онъ умѣлъ придавать имъ должную цѣну по отношенію къ духовному своему міру, и тамъ, напримѣръ, гдѣ наслажденія грозили чистотѣ его нравственнаго самосознанія, или страданія являлись неизбѣжнымъ условіемъ сохраненія ея, онъ умѣлъ спокойно, безъ дальнѣйшихъ размышленій, безъ внутренней борьбы уклониться отъ однихъ и встрѣтить лицомъ къ лицу другія. Та-

кого рода положенія вовсе не представлялись ему дилеммами, какъ они представлялись и представляются большинству человѣчества: самой мысли о выборѣ не существовало для него, — тѣмъ менѣе о компромиссѣ. Отсюда-то его мужество, непоколебимое, спокойное, сознательное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ рисовки, которое съ такою силою дѣйствовало на воображеніе его современниковъ. Его хладнокровное и безстрашное поведеніе на войнѣ — въ сраженіяхъ подъ Потидеей, Деліемъ и др. — вызвало всеобщее удивленіе и похвалы; но еще больше — его стойкость при столкновеніяхъ съ народомъ и тиранами. Объ этихъ двухъ замѣчательныхъ случаяхъ изъ его жизни стоитъ рассказать, такъ какъ они чрезвычайно ярко иллюстрируютъ выше сдѣланную характеристику Сократа.

Въ 406 г., послѣ длиннаго ряда неудачъ, афиняне, наконецъ, одержали при Аргинузахъ такую блестящую побѣду надъ лакедемонянами, что на радостяхъ всѣ поголовно рабы, состоявшіе въ экипажѣ флота, получили свободу и даже нѣкоторыя права гражданства. Ликованіе было всеобщее, но увы! оно вскорѣ было омрачено извѣстіемъ, что навархи (адмиралы) не только не собрали и не предали землѣ плавающихъ труповъ убитыхъ, но даже не позаботились о томъ, чтобы, по окончаніи сраженія, подобрать увѣченныя и раненныя, предоставляя имъ погибать на обломкахъ судовъ. Такая небрежность по отношенію къ послѣднимъ была въ то время не менѣе преступна, нежели теперь; но нужно еще вспомнить то религіозное значеніе, которое древніе греки придавали обряду погребенія умершихъ, — обряду, безъ котораго душамъ послѣднихъ приходилось скитаться по берегамъ Стикса безъ пріюта и привѣта до скончанія вѣковъ (вспомнимъ, на примѣръ, Софоклову драму «Антигону», всецѣло построенную на этомъ повѣрѣѣ), чтобы реализовать хоть сколько-нибудь полно то огромное впечатлѣніе, которое это извѣстіе должно было имѣть на Афины. Отъ безграничной радости городъ сразу перешелъ къ трауру; плачь, жалобы и стоны наполнили воздухъ, и негодованію на побѣдоносныхъ, но преступныхъ наварховъ не было предѣловъ. Ихъ вытребовали къ суду, и народъ, обезумѣвшій отъ горя и поджигаемый интригами олигархической партіи, настаивалъ, вопреки писаннымъ законамъ конституціи, на поголовномъ осужденіи и наказаніи обвиняемыхъ. Напрасно выставлялось на видъ, что это требованіе незаконно,

что оно идетъ въ разрѣзъ съ основными принципами гражданской свободы, и что, наконецъ, на-лицо имѣются обстоятельства, извиняющія если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ злополучныхъ наварховъ: народъ неистовствовалъ и шумѣлъ, какъ расходившееся море, отказываясь выслушать обвиняемыхъ и настаивая на немедленномъ и коллективномъ ихъ наказаніи. Пританы — предсѣдательствующая триба — должны были сдаться на угрозы и, послѣ нѣкоторыхъ размышленій, малодушно рѣшили пустить по голосамъ вопросъ о виновности наварховъ въ желательномъ народу смыслѣ; только одинъ изъ нихъ отказался дать свое согласіе на такое незаконное дѣйствіе суда: то былъ Сократъ. Несмотря на дикія угрозы народа и общіе клики бѣшенства и ярости, онъ спокойно, но рѣшительно заявилъ свой протестъ противъ такого явно-несправедливаго и лицепріятнаго поведенія суда и оставилъ собраніе, предпочитая встрѣтить мучительную смерть отъ рукъ разъяренной толпы, нежели быть соучастникомъ въ преступленіи.

Другой случай произошелъ двумя годами позже, когда аѳинскимъ государствомъ правили пресловутые тридцать тиранновъ. Захвативъ власть и укрѣпивъ ее за собою при помощи спартанскихъ мечей, эта горсть аристократическихъ якобинцевъ не замедлила удариться въ террористическую вакханалію: конфискаціи имущества, тюремныя заключенія, ссылки, казни и прочія насилія сыпались градомъ на головы злополучныхъ демократовъ, и не было среди послѣднихъ человѣка, выдающагося по своему вліянію или богатству, или убѣжденіямъ, который рано или поздно не палъ бы жертвою изступленной реакціи. Между прочимъ, боясь остраго языка Сократа, они еще въ началѣ своего правленія издали указъ, запрещавшій философамъ обучать искусству аргументировать и спорить (эристикѣ), и нашъ философъ чуть не поплатился за свое упрямство. Въ виду многочисленныхъ казней Сократъ однажды публично замѣтилъ, — что не странно-ли, что въ то время какъ пастухи, у которыхъ стада почему-то уменьшаются, считаются негодными, — правители, при которыхъ населеніе также по какимъ-то таинственнымъ причинамъ убываетъ, продолжаютъ смотрѣть на себя, какъ на людей способныхъ и годныхъ къ взятой на себя роли? За это тиранны призвали его къ себѣ и, сдѣлавъ строгое внушеніе, посо-

вѣтовали ему держать языкъ за зубами и не употреблять впередъ никакихъ иллюстрацій и притчъ о пастухахъ, такъ какъ-де, въ противномъ случаѣ, Сократъ собственной своей персоной поспособствуетъ уменьшенію народнаго стада. Намекъ былъ достаточно ясенъ и диниченъ, но все же Сократъ дешево отдѣлался, — быть можетъ, благодаря заступничеству Критія, главаря тридцати и бывшаго слушателя Сократа. Но уже вскорѣ представился другой и болѣе благовидный случай погубить мудреца: ему и четверымъ другимъ популярнымъ горожанамъ поручено было отправиться на о. Саламинъ и привезти оттуда нѣкогого Леона, демократа съ большими средствами, бѣжавшаго отъ преслѣдованій олигарховъ. Это была одна изъ обычныхъ уловокъ хитрыхъ правителей, старавшихся связать со своей судьбою сколь возможно больше людей, если не сочувствіемъ, то своекорыстіемъ, а если не послѣднимъ, то хоть соучастіемъ, вольнымъ или невольнымъ, въ преступленіяхъ. Сократъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы клюнуть на такую грубую удочку, и слишкомъ честенъ, чтобы играть роль, и вотъ, въ то время, какъ его товарищи безирекословно повинуются гнусному приказу, онъ невозмутимо, какъ ни въ чемъ не бывало, отправляется домой и спокойно ждетъ своей участи. Гибель его была неминуема, но, къ счастью, вскорѣ послѣ того камарилья была свергнута и Сократъ былъ спасенъ.

Что въ этихъ поступкахъ Сократа поражаетъ больше всего, — это совершенное отсутствіе драматическихъ моментовъ, которые мы привыкли ожидать всякій разъ, когда видимъ столкновеніе эгоистическихъ интересовъ съ требованіями долга или убѣжденій. Вы видите передъ собою человѣка, для котораго дилеммы не существуютъ со всѣми ихъ патетическими или сентиментальными аксессуарамъ. Сократъ не раздумываетъ, не рефлектируетъ, не разсуждаетъ, а просто, въ силу инстинктивнаго тяготѣнія ко всему хорошему и честному, избираетъ путь, на который ему указываетъ совѣсть, и на который онъ вступаетъ съ такимъ же легкимъ сердцемъ, какъ если бы его ждали розы, а не смерть. Современное человѣчество, исковерканное своимъ историческимъ воспитаніемъ съ его уродливой обстановкой и ложными, большими идеалами, пожалуй, не въ состояніи по достоинству оцѣнить красоту этой простой и цѣльной натуры; но античному обществу, еще

не дошедшему до духовнаго раздвоенія и не выдавшему красоты нигдѣ, кромѣ какъ въ здоровой и совершенной гармоніи всѣхъ силъ человѣческаго существа, личность Сократа должна была казаться высшимъ проявленіемъ божественнаго генія *ωδς*, однимъ изъ совершеннѣйшихъ идеаловъ счастливаго человѣчества. Въ этомъ именно смыслѣ Сократъ было исключительнымъ явленіемъ даже въ глазахъ своихъ современниковъ: «вы можете себѣ легко вообразить», говоритъ Алкивіадъ, «что, напр. Бразидъ и другіе полководцы походили на Ахилла, а какой-нибудь Перикль — на Нестора и Атенора. То же самое можемъ мы сказать о любомъ великомъ человѣкѣ, но не о Сократѣ: этому странному существу вы не найдете никого другого, хоть сколько нибудь подобнаго, — ни среди тѣхъ, которые живутъ нынѣ, ни даже среди тѣхъ, кто жили до насъ».

Послѣ такихъ отзывовъ процессъ Сократа съ его обвиненіями въ растлѣніи общественной морали насъ ставитъ въ тупикъ, но объ этомъ мы поговоримъ въ заключительной главѣ; теперь же скажемъ два слова о его пресловутомъ «демонѣ», безъ чего этотъ очеркъ могъ бы показаться неполнымъ. Очень часто, когда Сократъ предпринималъ рѣшеніе, либо важное само по себѣ, либо шедшее въ разрѣзъ съ ожиданіями его друзей, онъ ссылался на голосъ «демона» *δαίμωνος*, запретившій ему поступить иначе, какъ онъ поступилъ (голосъ этотъ только возбранялъ, но никогда не побуждалъ). Больше мы на этотъ счетъ ничего не знаемъ: но не смотря на это или, быть можетъ, именно поэтому уже съ давнихъ поръ придумывались гипотезы о томъ, что бы такое этотъ демонъ могъ собою обозначать. Теоріи существуютъ разныя, вѣроятно, столько, сколько было головъ, задававшихся разрѣшеніемъ этого вопроса. Одни считаютъ этого демона ангеломъ-хранителемъ или, по крайней мѣрѣ, геніемъ Сократа; другіе полагаютъ, что то былъ голосъ его совѣсти; третьи, въ истомъ духѣ современной психопатологій, утверждаютъ, что Сократъ былъ просто на просто одержимъ психозомъ, періодически подвергавшимъ его галлюцинаціямъ. а четвертые совсѣмъ не вѣрятъ въ демоновъ и говорятъ, что ссылка Сократа на нихъ была не больше, какъ желаніе помистифицировать почтеннѣйшую публику, желаніе, вполне объяснимое его любовью къ иронизированію. Мы не намѣрены своимъ собственнымъ

мнѣніемъ еще больше увеличить число этихъ теорій, да оно и безцѣльно: чѣмъ бы этотъ демонъ въ концѣ концовъ ни оказался, оно намъ нисколько не поможетъ ни полнѣе оцѣнить личность, ни лучше понять его ученіе. Мы предоставляемъ поэтому читателю полную свободу выбирать между вышеуказанными теоріями, равно какъ и выдумывать свою собственную: пусть онъ только помнитъ, что каковы бы ни были его мнѣнія на этотъ счетъ, они не будутъ ни основательнѣе, ни новѣе, чѣмъ сотни другихъ, провозглашавшихся *ex cathedra* и инымъ путемъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Источники.—Сократово сознание своего невежества.—Что такое знание для Сократа?—Этика и прочія науки.—Презрѣніе къ естественнымъ и физическимъ наукамъ.—Историческій моментъ.—Крушеніе древняго строя и міросозерданія.—Роль софистовъ: ихъ заслуги и недостатки.—Отношеніе къ нимъ Сократа и исходная точка его философіи.—Добродѣтель—знаніе.—Добродѣтель—благо.—Значеніе логическихъ опредѣленій и ихъ мѣсто въ Сократовой системѣ.—Діалектическій методъ и эленхъ.—Иллюстрація Сократовыхъ приемовъ.—Религіозныя и политическія убѣжденія Сократа.

Приступая къ обзору ученія Сократа, мы на самомъ порогѣ встрѣчаемъ крупное затрудненіе. Самъ философъ, за исключеніемъ пары стихотворныхъ переложеній на Эзоповы темы, сдѣланныхъ имъ за нѣсколько дней до своей смерти, никогда въ своей жизни не написалъ ни строчки, и все, что мы знаемъ о немъ или о его ученіи, мы почерпнули, главнымъ образомъ, изъ Ксенофоновыхъ «Воспоминаній» о Сократѣ и изъ діалоговъ Платона. Что касается первыхъ, то они, при всей несомнѣнной правдивости и честности автора, страдаютъ большими недостатками: написанныя уже послѣ смерти Сократа, эти «Воспоминанія» имѣли исключительной своей цѣлью отвѣтить на тѣ обвиненія, жертвою которыхъ палъ любимый учитель. Этимъ опредѣляется не только характеръ, но содержаніе и объемъ сочиненія. «Воспоминанія» касаются личности философа лишь на столько, на сколько это необходимо для реабилитаціи памяти покойнаго, а ученіе его излагается лишь въ тѣхъ размѣрахъ и тѣмъ его сторонами, которыя имѣютъ отноше-

ніе къ вопросамъ о невѣрїи и развращенїи молодого поколѣнія. Кромѣ того, вся книга отличается чрезвычайной поверхностностью и мелкотою: мѣщанскій и близорукій умъ Ксенофонта, повидному, былъ неспособенъ проникнуть за внѣшніе покровы Сократовой души въ глубь ея изгибовъ, гдѣ билась горячей волною его великая, бессмертная мысль. При такихъ условїяхъ мы врядъ-ли съумѣли-бы составить себѣ болѣе или менѣе отчетливое представленіе о Сократѣ и его дѣятельности, если бы намъ на подмогу не явился другой ученикъ Сократа, Платонъ, одинъ изъ гениальнѣйшихъ мыслителей, какого міръ когда-либо видалъ. Про него уже нельзя сказать, что онъ не понималъ своего учителя; но къ сожалѣнію, и онъ, взятый самъ по себѣ, не могъ бы служить исполнѣ надежнымъ путеводителемъ. Платонъ, какъ извѣстно, сдѣлалъ Сократа носителемъ и выразителемъ своихъ, Платоновскихъ, идей: въ діалогахъ его фигурируетъ не онъ самъ, а Сократъ, который ведетъ разговоръ, развиваетъ Платоновскія доктрины, аргументируетъ, защищаетъ, опровергаетъ противниковъ и пр., такъ что иногда очень трудно, а подчасъ прямо-таки невозможно различить, гдѣ говоритъ Платонъ устами воображаемаго Сократа, и гдѣ говоритъ историческій Сократъ самъ. Тѣмъ не менѣе, въ общей вѣрности набрасываемаго портрета и въ подлинности тамъ и сямъ обрисовывающейся Сократовой доктрины мы не имѣемъ основанія сомнѣваться, — особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда показанія Платона совпадаютъ съ Ксенофоновыми и не представляютъ внутреннихъ противорѣчій. Знаменитая «Апология Сократа» и, въ нѣсколько меньшей степени, діалоги «Федонъ» и «Критонъ» составляютъ наши главные авторитеты, и при дополненїи ихъ свѣдѣніями, взятыми у Ксенофонта, намъ кое-какъ удастся, — далеко не полно и не совершенно, но все-же, въ общемъ, правдиво — составить себѣ нѣкоторое представленіе о томъ, чему училъ аѳинскій мудрецъ.

Въ «Апologii» Сократъ рассказываетъ, какъ одинъ изъ наиболѣе горячихъ его поклонниковъ Херефонъ отправился однажды въ Дельфы спросить оракула, кто самый мудрый изъ всѣхъ людей. Пифія отвѣтила, что мудрѣе всѣхъ, безъ сомнѣнія, Сократъ, и послѣдній былъ такъ пораженъ, что готовъ былъ не повѣрить божественнымъ словамъ. Однако, онъ вскорѣ отогналъ нечестивые

эти помыслы и рѣшилъ какъ-нибудь добиться смысла этого загадочнаго отвѣта, такъ какъ самъ лично онъ сознавалъ себя не только не мудрецомъ, но прямо-таки круглымъ невѣждою. Онъ началъ сравнивать себя съ другими людьми: онъ отправился къ одному изъ выдающихся общественныхъ дѣятелей, почитаемому всѣми за чрезвычайно умнаго и знающаго, и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Увы! онъ скоро долженъ былъ признать, что тотъ въ сущности ничего не знаетъ, какъ и онъ самъ, и что только другіе почему-то почитаютъ его за мудреца. «Тогда я оставилъ его и подумалъ: хотя я и не вѣрю, чтобы кто-нибудь изъ насъ обоихъ, дѣйствительно, зналъ, что такое истина, добро и красота, но за мною все-таки то преимущество, что въ то время, какъ онъ ничего не знаетъ, но думаетъ, что знаетъ, я точно также ничего не знаю, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознаю, что я ничего не знаю». Онъ идетъ къ другому и третьему дѣятелю подобной же репутаціи, но находитъ вездѣ одно и то же самоуниженіе невѣжества. Тогда онъ обращается къ поэтамъ, этимъ толкователямъ законовъ божескихъ и человѣческихъ, и предлагаетъ имъ объяснить нѣкоторые отрывки изъ ихъ же сочиненій. И что-же? «Повѣрите-ли, мнѣ почти стыдно говорить объ этомъ, но я долженъ признаться, что врядъ-ли есть здѣсь на лицо (въ залѣ суда) человѣкъ, который не могъ-бы лучше истолковать поэзію, нежели поэты сами. И я понялъ, что не мудростью творятъ поэты поэзію, а какимъ-то особеннымъ духомъ и вдохновеніемъ: они, подобно прорицателямъ, произносятъ прекрасныя вещи, не понимая ихъ смысла». И что всего хуже, эти люди не только не мудры, но еще, «опираясь на свою поэтическую славу, претендуютъ на исключительную мудрость даже въ такихъ вещахъ, которыя къ сферѣ ихъ дѣятельности вовсе не относятся и которымъ, въ сущности, они совершенно чужды». Послѣ этого Сократъ идетъ къ художникамъ и ремесленникамъ, но здѣсь встрѣчаетъ то же самое: хотя въ своей спеціальности они и мудрѣе прочихъ людей, но они раздѣляютъ общее съ поэтами заблужденіе, считая себя мудрыми даже въ такихъ вещахъ, о которыхъ они не имѣютъ ни малѣйшаго представленія. Тогда только выяснился Сократу смыслъ Аполлоновыхъ словъ: онъ такой-же невѣжда, какъ и всѣ прочіе люди, но онъ уже тѣмъ мудрѣе ихъ, что сознаетъ это самое свое невѣжество.

Этотъ разсказъ, претендующій указать на происхожденіе Сократовской философіи и дѣятельности, не вѣренъ ни исторически, ни психологически. Исторически—потому, что не только Херефонтъ, какъ видно изъ разсказа, былъ ученикъ Сократа, и послѣдній, стало быть, уже началъ свою философскую дѣятельность, но и слава философа должна была уже къ тому времени значительно распространиться такъ, чтобы у Херефонта могла зародиться мысль сравнить своего учителя съ прочими современниками. Разсказъ не вѣренъ и психологически, такъ какъ для того, чтобы судить о невѣжествѣ другихъ и своемъ, Сократъ уже долженъ былъ знать, что такое мудрость, каковы ея признаки и каково ея мѣрило: безъ этого онъ не могъ бы констатировать ея присутствія или отсутствія ни въ себѣ, ни въ другихъ. При всемъ томъ этотъ разсказъ имѣетъ для насъ первостепенное значеніе: онъ сразу раскрываетъ передъ нашимъ взоромъ основной характеръ и основную точку зрѣнія Сократовскаго міросозерцанія. Въ самомъ дѣлѣ, въ силу чего находить онъ этихъ людей—общественныхъ дѣятелей, поэтовъ и ремесленниковъ—невѣжественными, а потому не мудрыми? Онъ готовъ признать, что первые довольно успѣшно правятъ государствомъ, что вторые пишутъ прекрасныя поэтическія произведенія, и что третьи даже лучше, нежели онъ самъ, Сократъ, понимаютъ свое дѣло, — словомъ, что каждый изъ нихъ обладаетъ довольно сносными знаніями въ своей спеціальности и профессіи; какія же требованія, въ такомъ случаѣ, онъ предъявляетъ имъ, что неумѣніе удовлетворить имъ онъ признаетъ за невѣжество? Отвѣтъ на этотъ вопросъ указанъ самимъ Сократомъ: «хотя я и не вѣрю, чтобы кто-нибудь изъ насъ обоихъ, дѣйствительно, зналъ, что такое *истина, добро и красота*» и т. д. Истина, добро и красота—эта этическая тройца грековъ—является во мнѣніи Сократа единственно важнымъ предметомъ изученія и знанія, безъ чего человекъ, какъ бы свѣдушъ онъ ни былъ въ другихъ областяхъ, есть не что иное, какъ невѣжда. И именно въ силу того, что всѣ прочіе люди, не зная—какъ и онъ самъ—что собственно такое эти истина, добро и красота, вмѣстѣ съ тѣмъ даже не сознаютъ самой важности такого знанія и, потому, не замѣчаютъ въ себѣ столь существеннаго пробѣла, Сократъ пришелъ къ заключенію, что онъ все же мудрѣе ихъ. Другими словами, уже одно

то, что онъ, единственный изъ всѣхъ людей, созналъ цѣнность этического знанія, даетъ ему право считать себя мудрѣйшимъ на землѣ, не смотря на то, что этихъ знаній у него, какъ и у тѣхъ, еще нѣтъ: онъ богаче всѣхъ другихъ тѣмъ, что знаетъ, чего ему недостаетъ; они — бѣдны, какъ жалкіе рабы, тѣмъ, что не знаютъ даже того, чего у нихъ нѣтъ, и въ то время, какъ онъ знаетъ, къ чему слѣдуетъ стремиться, какъ къ истинной цѣли жизни, все прочее человѣчество какъ бы осуждено на вѣчное прозябаніе въ непроевѣтномъ мракѣ.

Таковъ истинный смыслъ Сократовскаго сознанія своего невѣжества: это не было скромное или смиренное паче гордости заявленіе своего незнакомства съ тѣми или другими отраслями знанія, какъ это принято думать, а грандіозное завоеваніе человѣческаго разума, — цѣлый переворотъ въ системѣ философскаго мышленія. Нравственная сторона человѣческаго существа была поставлена этимъ въ центрѣ вселенной, и изученія ея во всѣхъ положеніяхъ и отношеніяхъ провозглашено самымъ цѣннымъ и важнымъ дѣломъ въ области нашей познавательной дѣятельности. Вся предыдущая философія, начиная отъ Талеса, занималась исключительно вопросами космологическихими, ища то въ области математики, то физики, то психологіи, ключа къ уразумѣнію мірозданія, его законовъ, его происхожденія, его общаго смысла. Сократъ же первый, — если не считать попытокъ Элеатской школы, болѣе важныхъ исторически, нежели съ точки зрѣнія развитія мысли, — сталъ настаивать на изученіи человѣческаго духа, какъ важнѣйшаго объекта нашего познанія, — и въ этомъ заключается его безсмертная заслуга передъ европейской философіей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу того чрезмѣрнаго увлеченія своими идеями, которому такъ часто предаются новаторы, Сократъ дѣлалъ нравственность не только важнѣйшимъ, но и *единственнымъ* предметомъ, достойнымъ изученія. Труды современныхъ и другихъ философовъ казались ему смѣшными: неужели, — говаривалъ онъ, намекая на занятія ихъ астрономіей и космологіей, — неужели эти господа считаютъ свое знакомство съ человѣческими дѣлами настолько полнымъ и совершеннымъ, что находятъ возможнымъ заниматься небесными? Ему даже казалось непонятнымъ, какимъ образомъ вообще возможно дойти въ этихъ областяхъ до истины,

когда нѣтъ ни одного положенія, на которомъ всѣ философы сходились бы и смотрѣли, какъ на установленный фактъ: одни считаютъ, что все существующее — едино, а другіе, — что оно безчи-сленно; одни, — что все движется, а другіе, — что все находится въ абсолютномъ покоѣ; одни, — что въ мірѣ все рождается и погибаетъ, а другіе, — что ничто не рождается и ничто не погибаетъ. Гдѣ же, въ такомъ случаѣ, искать правды? А если даже она и будетъ найдена, то кому и какая отъ этого польза? Развѣ эти ученые смогутъ произвести дождь? или измѣнить порядокъ времени года? или удлинитъ день и укоротитъ ночь? Нѣтъ, рѣшаетъ Сократъ, все это — мнимое и безцѣльное знаніе, которое нисколько не касается человѣка и ни на волосъ не увеличитъ его счастья. Истинная и реальная наука — та, которая занимается вопросами животрепещущаго, земного, человѣческаго интереса, какъ, напримѣръ, вопросами о томъ, что есть благочестіе и что нечестивость, что — справедливость и что несправедливость, что храбрость и что трусость, что есть государство и что государственный человѣкъ, и т. д., и т. д.

Намъ теперь, живущимъ въ концѣ XIX в., не трудно понять, какъ глубоко ошибался Сократъ въ своихъ взглядахъ на математическія и естественныя науки: отдѣленные отъ него опытомъ многочисленныхъ поколѣній и вѣковою работою мысли на почвѣ научныхъ изысканій и философскихъ изслѣдованій, мы въ состояніи теперь видѣть, какъ плодотворны были труды тѣхъ ученыхъ, которыхъ аѳинскій мудрецъ не стѣснялся сравнивать съ сумасшедшими, сами не знающими, чего имъ надо и къ чему они стремятся. Истина въ этихъ областяхъ не только была найдена, но и легла въ основу всей нашей жизни, отдавъ въ наше распоряженіе могучія силы природы и окруживъ насъ тѣмъ матеріальнымъ комфортомъ, который такъ рѣзко отличаетъ нашъ вѣкъ отъ всѣхъ, ему предшествовавшихъ. Мало того: это самое «мнимое и безцѣльное знаніе», которое, казалось, «нисколько не касается человѣка», является, какъ мы теперь все болѣе и болѣе убѣждаемся, необходимымъ условіемъ или, скорѣе даже, базисомъ для построенія тѣхъ наукъ общественно-этического характера, которыя Сократъ признавалъ за единственно реальныя и полезныя. Мы уже ясно видимъ, что безъ знанія законовъ, которымъ подлежатъ явленія въ мірѣ

физическомъ, мы не въ состояніи сдѣлать ни одного правильнаго шага по пути завоеванія истины въ области социальныхъ и нравственныхъ отношеній, и что, слѣдовательно, какъ бы правъ ни былъ Сократъ, утверждая, что самымъ важнымъ предметомъ науки долженъ быть самъ человѣкъ въ его отношеніяхъ къ другимъ себѣ подобнымъ, онъ все же глубоко заблуждался, полагая, что эта наука можетъ быть разработана и построена независимо и раньше всѣхъ прочихъ, — хотя бы то были астрономія или космологія. Всѣ попытки, которыя до сихъ поръ дѣлались въ желательномъ Сократу направленіи, — попытки, въ которыхъ нерѣдко принимали участіе величайшіе умы человѣческой расы, — оканчивались всякій разъ если не плачевно, то бесплодно, и только теперь, когда высшія отрасли естественныхъ наукъ принимаютъ все болѣе и болѣе строго-философскій характеръ, въ состояніи мы приблизиться къ тому конкретнѣйшему изъ конкретныхъ предметовъ научнаго изслѣдованія, какимъ является психическій и нравственный міръ человѣка.

Все же, не смотря на всю свою незрѣлость и несостоятельность, Сократовы взгляды на сравнительную важность тѣхъ или другихъ наукъ имѣютъ за собою огромную долю исторической правды: его устами говорила эпоха, и ее то намъ нужно очертить, чтобы понять это рѣзкое утвержденіе этики, какъ науки *par excellence*.

То было время всеобщаго разрушенія, когда старые устои аѳинскаго общества впервые стали качаться отъ розмаха освобожденной персидскими войнами мысли. Коренное измѣненіе въ общественно-политическихъ отношеніяхъ страны, — измѣненіе, выразившееся въ крушеніи стараго аристократическаго порядка и замѣнѣ его демократической конституціей, — было лишь сигналомъ къ массовому возстанію противъ всей совокупности понятій и идей, существовавшихъ доселѣ, какъ незыблемыя истины. Жизнь Аѳинъ, какъ и всѣхъ гражданскихъ общинъ древности, покоилась въ гораздо болѣе степенной степени, нежели жизнь современныхъ обществъ, на цѣлой системѣ религиозно-нравственныхъ и политическихъ понятій, выработанныхъ трудами многочисленныхъ поколѣній и преимущественно передаваемыхъ изъ вѣка въ вѣкъ. Эти освященные традиціями понятія казались чѣмъ-то стоящимъ выше человѣческаго разума: они считались божественнаго происхожденія, и, какъ таковыя, вѣчными, непреложными, неприкосновенными. Но развитіе на

почвѣ реальныхъ условій жизни демократическаго духа съ его требованіями личныхъ и равныхъ правъ для каждаго отдѣльнаго члена общества нанесло смертельный ударъ всѣмъ этимъ устарѣвшимъ основамъ соціальной жизни: гражданская личность, достигши своего самосознанія, не остановилась передъ древними понятіями и вѣрованіями, которыя стояли на ея пути къ занятію полноправнаго положенія въ обществѣ. Она пробила въ ихъ стѣнѣ брешь, и тѣмъ самымъ разрушила навсегда тѣ чары, которыми, казалось, они были окружены. Личность сознала себя державною не только въ сферѣ общественно-политическихъ, но и нравственно-религіозныхъ отношеній, и унаслѣдованныя традиціи потеряли въ ея глазахъ свое прежнее обаяніе. Дерзкою рукою было сдернуто съ нихъ покрывало,—и вмѣсто страшнаго крушенія всего соціальнаго зданія, какъ то предсказывали консервативныя Кассандры, передъ пылающими энергіей взорами смѣльчаковъ предстали во всей ихъ уродливой наготѣ старья, сгнившія подпорки, еле-еле выдерживающія тяжесть строенія. Сердце забилося усиленнымъ темпомъ, кровь заволновалась и заходила съ лихорадочною быстротою, и мысль вздрогнувъ, зашевелилась живѣй и сильнѣй. Одна за другою правдѣдовскія идеи стали призываться на судъ критическаго разума, и одна за другою онѣ признаны были негодными. Разрушеніе было полное, обломки усыпали весь полъ общественнаго зданія, и надъ ними въ какомъ-то восторженномъ опьяненіи высались могучія фигуры бойцовъ.

Читатель узнаетъ знакомую картину: она не разъ появлялась на подмосткахъ европейской, да и нашей собственной исторіи. Это — эпоха подведенія великихъ итоговъ своему національному прошлому и сметанія въ кучу всего того негоднаго сора, который образовался отъ вѣковаго гніенія общественныхъ устоевъ. Дѣятелями этой эпохи были тѣ самые софисты, «развратители аѳинскаго общества», пороки которыхъ мы со времени Платона перечисляли на всевозможныхъ языкахъ съ неумоимостью и самоувѣренностью, достойными лучшаго дѣла. Размѣры этого очерка не позволяютъ намъ входить въ опроверженіе ходячихъ мнѣній объ этомъ «столь оклеветанномъ племени людей», какъ ихъ называетъ Льюисъ: мы отсылаемъ читателя за этимъ къ Гроту; здѣсь же мы укажемъ лишь на ихъ дѣятельность и отношеніе къ нимъ Сократа.

Софисты являются энциклопедистами V вѣка до Р. Хр. съ тою, однако, особенностью, что они были не только теоретическими мыслителями, но и практическими дѣятелями, которые съ киркою и заступомъ въ рукахъ ломали обветшалое зданіе. Подъ ножомъ ихъ скептическаго разума старыя понятія разрушались одни за другими: прежнія истины оказались ложью, старые обычаи—твореніемъ хитрыхъ и своекорыстныхъ правящихъ классовъ, а древнія общественныя узы—одною лишь тиранніей. Личный разумъ индивида занялъ верховное мѣсто какъ въ политикѣ, такъ и въ морали, и все признано было за обманъ, что не въ состояніи было оправдаться на судъ этого разума. «Человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей», гордо провозгласилъ Протагоръ, наиболѣе блестящій вождь софистовъ: не только свойства, но и самое существованіе вещи зависитъ отъ сужденія разумной личности. Въ этомъ мірѣ все относительно и вещи имѣютъ значеніе лишь по столько, по сколько онѣ признаются за таковыя мыслящимъ субъектомъ. Объективная истина, такимъ образомъ, исчезаетъ, и на ея мѣсто становится субъективное наше мнѣніе о ней. Этотъ принципъ и есть та единственная связь, которая соединяла цѣлый рядъ людей съ разнообразнымъ родомъ дѣятельности и профессій въ одну общую школу софистовъ, и изъ него вытѣкалъ тотъ крайній скептицизмъ, которому другой выдающійся мыслитель того времени Горгій далъ выраженіе въ своихъ знаменитыхъ положеніяхъ о томъ, что ничто не существуетъ, что если бы что-нибудь и существовало, то мы все таки не могли бы его познать, и что, наконецъ, если бы мы и познали, то мы все же не могли бы передавать наше знаніе другимъ. Общій смыслъ довольно ясенъ: и здѣсь на мѣсто объективныхъ вещей ставятся индивидуальныя мнѣнія о нихъ, уже однимъ своимъ разнообразіемъ доказывающія нереальность этихъ вещей и невозможность во всякомъ случаѣ какого бы то ни было знанія ихъ. Такое крайнее развитіе индивидуализма, такой, если можно такъ выразиться, философскій анархизмъ, былъ лишь логическимъ выводомъ изъ тѣхъ посылокъ о державности личнаго разума, во имя которыхъ эти дѣятели разрушили древній міръ понятій и отношеній. Но именно эта сильная сторона была вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ слабюю. Общественное сознаніе не можетъ долго жить однимъ отрицаніемъ, и дѣятельность общества лишь на короткое время въ состояніи

ограничиться однимъ разрушеніемъ: какъ только поле очищено отъ стараго хлама, на сцену появляются иные запросы, имѣющіе своей цѣлью уже не дальнѣйшее разрушеніе стараго, а созиданіе новаго. Горе тѣмъ, кто, увлекшись своей работой, или не понявъ измѣнившагося характера общественныхъ нуждъ, не сумѣютъ остановиться во-время и станутъ продолжать дѣло разрушенія! Сдѣлавшись живымъ анахронизмомъ, они не только навлекутъ на себя раньше насмѣшки, а потомъ ненависть со стороны тѣхъ, кто трудится надъ созиданіемъ, но, дѣйствительно, вырождаются въ концѣ-концовъ въ толпу болтуновъ или вандаловъ, противъ которыхъ возмущаться будетъ общественная совѣсть. Именно такова была судьба позднѣйшихъ софистовъ, которыхъ и имѣли въ виду Платонъ и Аристотель. Не Протагоръ и не Горгій служили имъ мишенью, а тѣ эпигоны ихъ, которые пережили самихъ себя и превратились въ своекорыстныхъ отрицателей безъ убѣжденій и безъ совѣсти. Этихъ то эристиковъ, безнравственныхъ спорщиковъ о чемъ угодно и какъ угодно, драпировавшихъ въ устарѣвшій и болѣе уже неидущій имъ плащъ софистовъ, и обезсмертили вышеупомянутые писатели, — совершивъ однако непростительную ошибку тѣмъ, что не провели достаточно ясной грани между обоими поколѣніями софистовъ: до и послѣ Сократовскихъ.

Во всемъ этомъ Сократъ сыгралъ главную роль: ему греческая мысль была обязана своимъ поворотомъ въ сторону положительнаго построенія и, стало быть, онъ былъ виновникъ нравственнаго банкротства софистовъ и гибели репутаціи ихъ. Съ инстинктомъ натуры глубокой и уравновѣшенной, онъ не могъ удовлетвориться однимъ отрицаніемъ, и тенденція софистическихъ ученій казалась ему тѣмъ опаснѣе, что развитіе ихъ въ теоріи и на практикѣ не встрѣчало на своемъ пути никакихъ преградъ. Въ самомъ дѣлѣ, «если», говоря словами Целлера: «вѣчной и незыблемой истины не существуетъ, то не можетъ существовать и вѣчнаго и незыблемаго закона; если человѣкъ въ своихъ представленіяхъ является мѣрою всѣхъ вещей, то онъ неизбѣжно долженъ стать мѣрою и всѣхъ своихъ поступковъ; и если для cadaго отдѣльнаго человѣка только то истинно, что ему кажется таковымъ, то для него и справедливое и хорошее вскорѣ явится не чѣмъ инымъ, какъ то, что ему кажется таковымъ. Другими словами, всякій человѣкъ

имѣть естественное право слѣдовать своему произволу и желаніямъ, и если законъ и обычай ставятъ ему на этомъ пути тѣ или другія преграды, то получившееся въ силу этого отклоненіе отъ естественнаго права есть принужденіе, которому никто не обязанъ повиноваться, кто только обладаетъ достаточной силою, чтобы устранить или обойти его». Справедливость требуетъ насъ признать, что такого рода ницшеянство (отъ Ницше) никогда не проповѣдывалось ни однимъ изъ извѣстныхъ софистовъ — современниковъ Сократа, а Калликль, который дѣйствительно развивалъ подобную противуобщественную доктрину, не только не былъ софистомъ, но, какъ свидѣтельствуемъ Платонъ самъ, былъ даже врагомъ ихъ. Тѣмъ не менѣе, такого рода положенія казались или могли казаться положительнымъ умомъ, вродѣ Сократовскаго, весьма возможными выводами изъ Протагоро-Горгіевыхъ тезисовъ, и не мудрено поэтому, что нашъ философъ рѣшилъ имъ противодѣйствовать, выдвигая противъ ихъ безконечнаго отрицанія новую философію, построенную на положительныхъ основаніяхъ. Эта философія должна была быть этикою, потому что въ области этическихъ понятій и отношеній и царилъ хаосъ. X

Постараемся же очертить сдѣланныя Сократомъ въ этомъ направленіи попытки. Горькій историческій опытъ научилъ насъ смотрѣть на большинство попытокъ къ «построенію», слѣдующихъ за періодомъ отрицанія, не больше, какъ на реакціонное движеніе, имѣющее цѣлью реставрировать упраздненные идеалы, понятія и учрежденія. Мы однако напрасно стали бы искать того же у Сократа. Глубоко понимая потребности своего времени, онъ, какъ и всѣ прочіе передовые дѣятели той эпохи, рѣшительно возставалъ противъ всѣхъ старинныхъ преданій и авторитетовъ, и въ основу своего ученія о нравственности положилъ не эти послѣдніе, а тотъ новый принципъ — разумъ, который въ этотъ моментъ впервые былъ вызванъ къ жизни. Для него, какъ и для Протагора, критическая мысль личности была мѣрою всѣхъ вещей, а слѣдовательно и истины интеллектуальной и нравственной: но въ то время, какъ великій вождь софистовъ воспользовался этимъ могучимъ рычагомъ съ исключительною цѣлью опрокинуть господствовавшее дотолѣ міросозерцаніе, Сократъ сдѣлалъ его краеугольнымъ камнемъ, на которомъ онъ выстроилъ новое этическое зданіе.

При этомъ онъ ни на шагъ не отступилъ отъ той позиціи иконокласта, которую занимали всѣ серьезные мыслители греческаго Aufklärung, и такъ же, какъ и они, онъ требовалъ, чтобы наши поступки и наши отношенія основывались не на предписаніяхъ прадѣдовской мудрости или обычаяхъ, не имѣющихъ за собой ничего, кромѣ сѣдой старины и привычки, а на требованіяхъ сознательной мысли, опредѣляющей въ каждый данный моментъ норму нашего поведенія. Правда, онъ не заходилъ такъ далеко, какъ нѣкоторые софисты, и не отрицалъ огульно и всецѣло значенія этой мудрости и обычаевъ *an und für sich*; но онъ сходился съ ними въ томъ, что признавалъ ихъ вредъ, а слѣдовательно, требовалъ и упраздненія авторитета ихъ въ тѣхъ, увы! нерѣдкихъ случаяхъ, когда они шли въ разрѣзъ съ указаніями разума или, просто, не имѣли за собой его согласія и санкціи. Если однако, такимъ образомъ, онъ отказывался сопровождать софистовъ до крайнихъ предѣловъ ихъ отрицательно-критической мысли, то онъ гораздо дальше ихъ пошелъ въ тѣхъ выводахъ, которые, казалось, непосредственно вытекали изъ ихъ положительнаго тезиса о значеніи сознательнаго начала въ нравственности и нравственномъ поведеніи. Ибо для Сократа это сознательное начало было не только главнымъ руководящимъ принципомъ въ нравственной жизни личности, но и единственнымъ мѣриломъ того, что принято называть нравственнымъ поступкомъ; другими словами, нравственность, по его мнѣнію, не только должна покониться на ясно и отчетливо продуманныхъ и усвоенныхъ принципахъ, но она и становится таковою лишь по столько, по сколько эти принципы входятъ сознательно-творческимъ элементомъ въ наше поведеніе. Сократу недостаточно было, чтобы тотъ или другой поступокъ личности былъ нравственъ въ силу унаслѣдованныхъ инстинктовъ или выработанныхъ привычекъ, или по случайности: онъ требовалъ большаго, а именно, чтобы эта личность отдавала себѣ всякій разъ ясный отчетъ, почему она поступила такъ, а не иначе. Безъ этого нравственности въ полномъ значеніи этого слова нѣтъ, и какъ бы человѣкъ хорошо ни поступалъ по тѣмъ или другимъ причинамъ, онъ, если не поступилъ сознательно, безъ яснаго пониманія, почему и какъ, остается съ точки зрѣнія истинной этики такимъ же безнравственнымъ, какъ если бы поступалъ плохо. Развѣ, спрашиваетъ

нашъ философъ, можемъ мы назвать грамотнымъ того человѣка, который по счастливой случайности, но не имѣя представленія о законахъ правописанія, напишетъ какое-нибудь слово правильно? Развѣ можемъ мы признать кого-либо математикомъ исключительно потому, что онъ по какому-то наитію, а не въ силу твердо усвоеннаго знанія, угадалъ, что $5 \times 5 = 25$? Конечно, нѣтъ; а если такъ, если для того, чтобы имѣть право называться грамотнымъ или математикомъ, недостаточно еще простого и случайнаго факта правильно написаннаго слова или вѣрнаго отвѣта на предложенный арифметическій вопросъ, но требуется сверхъ и помимо того еще и соответствующихъ знанію причинъ и цѣлей, такъ чтобы актъ находился въ исключительной зависимости отъ сознательной воли, то и нравственнымъ мы можемъ назвать лишь того, кто поступаетъ правильно не подъ вліяніемъ темныхъ инстинктовъ и не по случайности, опредѣляемой игрою слѣпыхъ обстоятельствъ, а въ силу извѣстныхъ требованій сознательнаго разума, который усвоилъ надлежащіе принципы и направляетъ согласно съ ними практическое поведеніе. Только тамъ, гдѣ на лицо имѣется сознательное отношеніе къ вещамъ, или, если хотите, холодный расчетъ разсудка, можемъ мы говорить о нравственности: въ противномъ случаѣ, намъ пришлось бы признавать таковую за тѣми людьми и даже въ такихъ случаяхъ, когда о ней не можетъ быть и рѣчи,—какъ на примѣръ, когда люди, въ припадкѣ умопомѣшательства, рѣшаются и совершаютъ геройскіе поступки.

Отсюда вытекаетъ первый основной принципъ Сократовой этики о тождествѣ добродѣтели со знаніемъ. Добродѣтель, какъ источникъ или творческое начало нравственности, представляетъ такой же предметъ изученія, какъ и грамота или арифметика, и только тотъ можетъ быть съ правомъ названъ добродѣтельнымъ, или, что то же, нравственнымъ, кто этимъ предметомъ такъ же вполнѣ и сознательно владѣетъ, какъ грамотный—грамотою и математикъ—арифметикою. При этомъ даже не важно, каковы на самомъ дѣлѣ будутъ его поступки,—нравственны или нѣтъ: пусть они, повидимому, будутъ безнравственны, но если человѣкъ, совершившій ихъ, обладаетъ необходимымъ знаніемъ добродѣтели, то мы его по справедливости назовемъ нравственнымъ. «Не кажется-ли тебѣ», обращается Сократъ къ одному изъ своихъ друзей съ цѣлью выяснить

этотъ характерный пунктъ: «что подобно тому, какъ можно выучиться чтенію и письму, такъ можно изучить и знать, что такое справедливость?» «Пожалуй». «А кто, по твоему, болѣе свѣдущъ: тотъ-ли, кто умышленно читаетъ или пишетъ съ ошибками, или тотъ, кто дѣлаетъ это невзначай?» «Конечно, первый, такъ какъ если захочетъ, то онъ сможетъ и читать, и писать правильно». «Значитъ, того, кто умышленно пишетъ съ ошибками, мы назовемъ болѣе грамотнымъ, нежели того, кто дѣлаетъ это неумышленно, — не такъ-ли?» «Совершенно вѣрно». «Ну, а кто же, по твоему, изъ двухъ скорѣе знаетъ, что такое справедливость: тотъ-ли, кто лжетъ и обманываетъ умышленно, или тотъ, кто дѣлаетъ это неумышленно?» «Безъ сомнѣнія, первый». «Но такъ какъ того, кто умѣетъ читать и писать правильно, мы назовемъ болѣе свѣдущимъ, нежели того, кто не умѣетъ, то не болѣе ли справедливъ тотъ, кто знаетъ, что такое справедливость, нежели тотъ, кто не знаетъ?» «Да». «Стало бытъ, тотъ, кто обманываетъ умышленно, болѣе справедливъ, нежели тотъ, кто обманываетъ неумышленно».

Мы напрасно искали бы во всей исторіи этики другого положенія, которое бы такъ рѣзко шло въ разрѣзъ со всѣми нашими нравственными инстинктами и понятіями: не говоря уже о вопіющей софистикѣ, съ какою это положеніе доказывается, одного того факта, что Сократъ придаетъ сознательному моменту въ совершеніи проступка значеніе не только смягчающаго, но даже оправдывающаго вину обстоятельства, достаточно, чтобъ осудить это положеніе, какъ глубоко безнравственное, нарушающее основные принципы этики и права. Все же дѣло вовсе не обстоитъ такъ уже скверно, какъ оно можетъ показаться съ перваго взгляда, ибо, по мнѣнію Сократа, человѣкъ, обладающій знаніемъ добродѣтели или, точнѣе, того, что подъ нею подразумѣвается, не можетъ не поступать такъ, какъ того требуетъ эта добродѣтель, такъ что, зная, напр., въ чемъ состоитъ мужество или умѣренность, онъ всегда будетъ поступать и жить согласно съ указаніями мужества и умѣренности. Знать и не поступать такъ, какъ, человѣкъ знаетъ, ему слѣдуетъ поступать, казалось Сократу физическою невозможностью и логическимъ противорѣчіемъ, и если, какъ оно предполагается въ приведенномъ діалогѣ, случай подобнаго рода все же, по видимому, имѣетъ мѣсто, то можно быть напередъ увѣреннымъ,

что на самомъ дѣлѣ это не такъ, — что съ точки зрѣнія достигаемыхъ результатовъ или цѣлей, имѣвшихся въ виду лицомъ, совершившимъ проступокъ, этотъ послѣдній вполне отвѣчаетъ требованіямъ нашей нравственности. Добродѣтель и знаніе тождественны, такимъ образомъ, не только въ томъ смыслѣ, что обладаніе послѣднимъ даетъ право на званіе нравственнаго человѣка, подобно тому, какъ обладаніе знаніемъ грамоты даетъ право на званіе грамотнаго человѣка, но еще больше въ томъ, что обладаніе знаніемъ добродѣтели ведетъ неизмѣнно и къ приложенію его на практикѣ. «Скажи мнѣ, Эвтидемъ,» обращается Сократъ къ своему молодому другу: «какъ смотришь ты на благочестіе?» «Какъ на одну изъ благороднѣйшихъ добродѣтелей.» «Можешь-ли ты опредѣлить, кто, по твоему, благочестивъ?» «Тотъ, кто почитаетъ боговъ.» «Но позволительно-ли почитать боговъ, какъ кто каждый вздумаетъ?» «Конечно, вѣтъ; на то существуютъ извѣстные законы, согласно съ которыми мы и обязаны ихъ почитать.» «Такъ. Слѣдовательно, тотъ, кто знаетъ эти законы, знаетъ влѣстѣ съ тѣмъ и какъ надлежитъ почитать боговъ, не правда-ли?» «Да конечно.» «*Но какъ по твоему: тотъ, кто знаетъ, какъ надлежитъ почитать боговъ, станетъ-ли думать, что ему слѣдуетъ почитать ихъ иначе, чѣмъ, онъ знаетъ, надлежитъ?*» «Конечно, нѣтъ.» «*А не подумавъ этого, онъ будетъ почитать боговъ, какъ, онъ знаетъ, ему должно?*» «Безъ сомнѣнья.» «*Стало бытъ, тотъ, кто знаетъ, каковы законы относительно почитанія боговъ, будетъ и почитать ихъ согласно съ этими законами?*» «Да, конечно.» «Но развѣ тотъ, кто почитаетъ боговъ согласно съ указаніями законовъ на этотъ счетъ, не почитаетъ ихъ, какъ должно?» «Безъ сомнѣнья.» «А тотъ, кто почитаетъ ихъ, какъ должно, развѣ не благочестивъ?» «Конечно.» «Слѣдовательно, тотъ лишь можетъ быть опредѣленъ благочестивымъ человѣкомъ, кто знаетъ, что согласно съ законами о почитаніи боговъ, — не такъ-ли?» «Совершенно вѣрно.»

Изъ подчеркнутыхъ нами фразъ ясно видно, какъ мало могъ себѣ представить Сократъ, чтобы человѣкъ поступалъ иначе, чѣмъ того требуетъ его знаніе: какъ мы уже сказали, по его мнѣнію, достаточно лишь знать, что такое та или другая добродѣтель, чтобы непремѣнно положить ее въ основу практическаго по-

веденія и тѣмъ стать добродѣтельнымъ человѣкомъ не только въ теоріи, но и на дѣлѣ. Знать, въ чемъ заключается, напримѣръ, почтеніе къ родителямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, или вопреки этому, не почитать ихъ—казалось ему немислимымъ подобно тому, какъ казалось немислимымъ, чтобы человѣкъ, зная таблицу умноженія, вмѣстѣ съ тѣмъ игнорировалъ это знаніе и рѣшалъ ариѳметическія задачи вопреки указаніямъ его. Такая увѣренность въ полнѣйшемъ тождествѣ теоріи и практики до такой степени противорѣчитъ нашему ежедневному опыту, показывающему, что люди могутъ отлично знать, что нравственно и что нѣтъ, и все таки поступать въ разрѣзъ съ этимъ знаніемъ, что мы готовы принять Сократову теорію за грубый парадоксъ, который могъ имѣть успѣхъ, пожалуй, въ тѣ времена, но никакъ не въ наши. Мы и въ исторіи, и въ обыденной жизни встрѣчаемъ многочисленные примѣры людей, стоящихъ на высотѣ современнаго образованія и культуры, которые превосходно сознаютъ безнравственность того или другого поступка и все таки совершаютъ его не столько по слабости воли, сколько потому, что онъ приноситъ имъ извѣстную выгоду, извѣстную пользу. Повторяя давнымъ-давно уже избитую сентенцію, люди всегда и повсюду стремятся къ счастію, и тамъ, гдѣ они убѣждены, что данный путь наиболѣе вѣрно ведетъ къ нему, они рѣдко останавливаются передъ тереотическими соображеніями о томъ, нравственъ-ли онъ или нѣтъ. Добродѣтель, какъ извѣстно, далеко не всегда ведетъ за собою награду, а очень часто однѣ лишь лишенія и страданія: естественно, что многіе сознательно предпочитаютъ порокъ, если онъ обезпечиваетъ имъ извѣстную долю земныхъ благъ и наслажденій.

Что такъ, или приблизительно такъ, происходитъ на бѣломъ свѣтѣ, каждый изъ насъ довольно хорошо знаетъ, и Сократъ, навѣрное, менѣе всѣхъ сталъ-бы отрицать это; но онъ могъ-бы намъ возразить слѣдующее: «Я вполне согласенъ съ тѣмъ, что нормою поведенія людей являются ихъ понятія о счастіи, и что, слѣдовательно, въ тѣхъ случаяхъ, когда данная добродѣтель, въ ихъ мнѣніи, не только не ведетъ къ этому счастью, но еще, напротивъ, разрушаетъ его, они постараются всѣми силами не поступать такъ, какъ она требуетъ. Мало того, я даже готовъ признать, что это отклоненіе отъ пути, предназначаемаго добро-

дѣтелю, будетъ иной разъ тѣмъ рѣзче и полнѣе, чѣмъ отчетливѣе личность понимаетъ, въ чемъ эта добродѣтель заключается, такъ что, напримѣръ, считая смерть за величайшее зло, она тѣмъ рѣшительнѣе будетъ отказываться поступать мужественно, а слѣдовательно, тѣмъ скорѣе будетъ вести себя трусливо, чѣмъ яснѣе она сознаетъ, что мужество требуетъ постояннаго подверганія себя риску, а часто и готовности идти на вѣрную смерть. Мое убѣжденіе слѣдовательно, что человѣкъ, знающій, что разумѣется подъ добродѣтелю, будетъ непремѣнно и практиковать ее, кажется поэтому чрезвычайно ошибочнымъ и даже противорѣчивымъ, но это только такъ *кажется*, потому что именно то обстоятельство, о которое, вы думаете, моя теорія разбивается въ дребезги, и является лучшей опорой для нея. Въ самомъ дѣлѣ, вы говорите, что добродѣтель нерѣдко игнорируется, потому что она не всегда ведетъ къ счастью, но я именно это оспариваю, утверждая, что нѣтъ пути, болѣе надежнаго и болѣе непосредственно ведущаго къ нему, этому счастью, чѣмъ путь этой самой добродѣтели. Возьмите любую изъ нихъ, возьмите хоть умѣренность: развѣ не ясно вамъ, что обладаніе ею ведетъ за собою не только физическое здоровье личности, но еще и душевное ея спокойствіе и ясность, дающія ей возможность всегда быть госпожею своихъ способностей и страстей и тѣмъ достигъ большаго счастья, чѣмъ если-бы она была подвержена пьянству и другимъ подобнымъ порокамъ? Правда, вкусная и обильная пища и питье доставляютъ не малое наслажденіе; но развѣ это наслажденіе можетъ сравниться съ тѣми благами, которыми пользуется человѣкъ умѣренный въ удовлетвореніи своихъ аппетитовъ? Кто пользуется болѣшимъ уваженіемъ со стороны своихъ друзей и согражданъ,—умѣренный или неумѣренный? Кто изъ нихъ внушаетъ больше довѣрія людямъ? Кого изъ нихъ скорѣе назначаютъ въ полководцы, оекуны или домоправители? Даже раба какого предпочтемъ мы и больше оцѣнимъ—трезваго, напримѣръ, или пьяницу? Вы молчите, потому что знаете, что всѣ эти преимущества на сторонѣ умѣреннаго. А развѣ эти преимущества не суть блага? Развѣ мимолетныя удовольствія порока могутъ пойти въ сравненіи съ ними? Конечно, нѣтъ, и то же самое окажется, если возьмемъ другіе примѣры,—хотя-бы повино-

веніе законамъ: развѣ не очевидно, что человекъ, практикующій эту добродѣтель, содѣйствуетъ благосостоянію и преуспѣянію общества и, будучи самъ живою частью этого общества, тѣмъ обезпечиваетъ свое личное существованіе и счастье? Или почтеніе къ родителямъ,—развѣ человекъ, почитающій своихъ родителей, не пользуется хорошою репутаціей среди своихъ сосѣдей и согражданъ и не награждается-ли онъ къ тому еще государствомъ и самими богами? Или, взявъ даже такую добродѣтель, какъ самопознаніе, это необходимое начало всякой премудрости: кто сталъ-бы оспаривать «что люди, знающіе самихъ себя, имѣютъ огромныя преимущества передъ тѣми, которые себя не знаютъ, и которые, обманываясь на свой счетъ, подвержены черезъ то многочисленнымъ невздачамъ? Вѣдь, тѣ, которые знаютъ самихъ себя, знаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и что имъ подѣ силу, и умѣютъ различать между тѣмъ, что они въ состояніи дѣлать и что нѣтъ, а дѣлая то, на что, они знаютъ, они способны, они достигаютъ того, чего имъ нужно, и живутъ, такимъ образомъ, счастливо; а не берясь за то, на что, они знаютъ, они неспособны, они тѣмъ избѣгаютъ неудачъ и ведутъ, такимъ образомъ, жизнь безъ бѣды и упрека. Кромѣ того, благодаря этому же знанію самихъ себя, они въ состояніи составить себѣ правильное мнѣніе и о другихъ, такъ что, вращаясь между ними, они въ состояніи пользоваться людьми, какъ для нихъ полезно. За то тѣ, которые самихъ себя не знаютъ и постоянно обманываются въ своихъ силахъ, не знаютъ и обманываются и въ другихъ людяхъ и вещахъ, такъ что они, не понимая, что для нихъ полезно, на что они могутъ рѣшиться, съ кѣмъ они могутъ вступить въ сношенія и т. д., впадаютъ безпрестанно въ ошибки, не достигаютъ блага и причиняютъ себѣ одно лишь зло и горе». Словомъ, куда бы вы ни взглянули, какую бы добродѣтель вы ни рассматривали, вы вездѣ увидите одно: нѣтъ иного залого истинному счастью, кромѣ какъ въ добродѣтели, и нѣтъ поведенія, которое бы такъ неизмѣнно сопровождалось благомъ, или поступка, который былъ-бы столь выгоденъ для человека, какъ тотъ, который согласенъ съ требованіями нравственности. Здѣсь-то и кроется коренная ошибка аргументаціи, которою вы думали опровергнуть мое положеніе о тяжести добродѣтели со знаніемъ: люди, дѣйствительно, откло-

няются отъ пути добродѣтели, но не оттого, что онъ на самомъ дѣлѣ не благій, а потому что они по неразумію, по непониманію, *принимаютъ* его за таковой. Если бы они хорошенько вникли въ интересующій насъ и ихъ вопросъ, то они ясно увидѣли-бы, какъ тѣсно связано счастье ихъ съ добродѣтелью, и какъ рѣзко противорѣчить ему порокъ; и именно потому, что они, какъ и всѣ прочія живыя существа, желаютъ себѣ счастья, они и избрали-бы истинный путь къ нему, т. е. добродѣтель. Тутъ, въ этихъ двухъ положеніяхъ о тождествѣ добродѣтели со знаніемъ и тождествѣ ея съ благомъ, и кроется, слѣдовательно, тотъ категорическій императивъ, надъ выработкою котораго такъ долго и такъ тщетно билась моралисты всѣхъ временъ. Взявъ, на примѣръ, мужество, развѣ не ясно каждому, что стоитъ лишь людямъ ясно и точно понять, что оно бѣльшее благо, нежели трусость, то они неуклонно будутъ стремиться къ первому и всячески избѣгать второй? Ибо кто, какъ вы сами уже говорили, стремится къ тому, что, по его мнѣнію, принесетъ ему одинъ лишь вредъ, и кто не станетъ поступать такъ, какъ того требуетъ его же собственное благо? Только и нужно, чтобы человѣкъ составилъ себѣ ясное понятіе о природѣ добродѣтели, а послѣдняя уже явится сама собою, какъ результатъ отождествленія ея съ благомъ,—этой конечною цѣлью всѣхъ нашихъ стремленій и всей нашей дѣятельности. Только тамъ, гдѣ яснаго пониманія всеблагости добродѣтели нѣтъ, гдѣ люди принимаютъ за путь къ счастью то, что вовсе не ведетъ къ нему, и обратно, имѣетъ мѣсто та безнравственность, которую мы привыкли встрѣчать въ жизни на каждомъ шагу. Нелогичность мышленія, ошибка въ расчетѣ, невѣрность сравнительной оцѣнки средствъ и цѣлей—вотъ источники безнравственныхъ поступковъ и даже, иной разъ, убѣжденій: уничтожьте однѣ—исчезнутъ и другіе.

Такъ могъ бы намъ отвѣтить и, дѣйствительно, отвѣчалъ X Сократъ: въ рядъ съ первымъ принципомъ о тождествѣ добродѣтели со знаніемъ онъ ставилъ другой—о тождествѣ ея съ благомъ, и неустанно повторялъ, что именно потому, что человѣкъ постоянно, при всѣхъ своихъ поступкахъ, имѣетъ въ виду счастье, онъ непремѣнно будетъ слѣдовать добродѣтели, какъ наиболѣе вѣрному средству къ достиженію его. Извѣстная басня «о вы-

борѣ Геркулеса», заимствованная у Продикка, одного изъ выдающихся софистовъ того времени, и служила ему любимой иллюстраціей на эту тему. Эта басня рассказываетъ, какъ молодой Геркулесъ—это воплощеніе не только физической мощи, но и нравственной красоты—сидѣлъ однажды у перекрестка, крѣпко задумавшись о томъ, какой путь ему избрать: путь ли добродѣтели, или порока. И вотъ, передъ нимъ предстали двѣ женщины: одна—скромная, привлекательная и облаченная въ простую бѣлую одежду, а другая—пышная и разрумяненная красавица съ наглымъ лицомъ и вызывающими манерами и одѣтая въ прозрачную ткань. Послѣдняя, предупредивъ свою подругу и выбѣжавъ впередъ, стала манить героя слѣдовать за собою. Ея путь—полонъ цвѣтовъ и веселья; она обѣщала ему бурную жизнь, преисполненную нескончаемыми забавами и чувственными наслажденіями, гдѣ человѣкъ не вѣдалъ ни труда, ни заботъ, ни нужды, гдѣ дни проходили въ безпечныхъ и жгучихъ радостяхъ, гдѣ надъ головою не тяготѣли ни зависимость отъ другихъ, ни отвѣтственность передъ самимъ собою. Она звала себя Счастіемъ, хотя у другихъ почему-то слыла подъ именемъ Порока. Другая же, олицетворявшая добродѣтель, не могла герою обѣщать ничего подобнаго: ея путь полонъ трудовъ, лишеній и обязанностей и требуетъ безпрестанной заботы о богахъ и людяхъ, умиловленія первыхъ и помощи послѣднимъ, работы на себя и работы на другихъ. За то она обѣщала сдѣлать его честнымъ человѣкомъ и полезнымъ гражданиномъ и доставить ему спокойную и чистую совѣсть, цѣломудренную мысль, высокое сознаніе хорошо проводимой жизни, всеобщее уваженіе и добрую память послѣ смерти. И Геркулесъ, естественно, избралъ путь добродѣтели, какъ болѣе благій, нежели другой.

Все это, конечно, звучитъ въ нашихъ ушахъ наивно и даже нѣсколько тривіально; все же мы не должны упускать изъ виду глубокаго значенія, которое эти теоріи должны были имѣть для того времени, жившаго сплошнымъ скептицизмомъ и цинически относившагося къ нравственности, какъ къ фикціи, придуманной своекорыстными жрецами и поэтами съ цѣлью униженія и порабощенія человѣческой личности. Въ подобную пору заявить, что добродѣтель не только не созданіе злобствующей фантазій, какъ

то думали нѣкоторые beaux esprits того времени, но, наоборотъ, величайшее и реальное благо—было какъ нельзя болѣе своевременнымъ протестомъ противъ начавшагося нравственнаго разложенія аѳинскаго общества, и Сократъ, поднявъ этотъ протестъ, явился выразителемъ лучшихъ и наиболѣе здоровыхъ инстинктовъ своего народа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, даже оставаясь всецѣло на точкѣ зрѣнія того времени, мы не можемъ не замѣтить нѣкоторыхъ слабыхъ пунктовъ въ Сократовомъ міросозерцаніи. Ибо не касаясь уже принципиальнаго вопроса, насколько вообще позволительно, — и съ теоретической, и съ практической точки зрѣнія, — отождествлять нравственность съ личнымъ благомъ индивида къ совершенному исключенію общественнаго элемента, мы вправѣ спросить, не противорѣчитъ-ли Сократъ, строя свое ученіе на принципѣ лично-эгоистическаго счастья, основному своему взгляду на добродѣтель не какъ на средство, а какъ на цѣль, и притомъ высшую цѣль жизни? И дальше, не вводитъ-ли онъ самъ этимъ тлетворный зародышъ въ свою систему, которымъ не замедлятъ впослѣдствіи воспользоваться эпикурейцы, циники и стоики, —каждые изъ которыхъ будутъ претендовать на Сократовское происхождение? Мудрецъ этого не замѣчалъ и, со страстною настойчивостью глубоко убѣжденнаго человѣка, продолжалъ утверждать любимый тезисъ и основывать этику на своекорыстіи человѣка, для котораго нѣтъ цѣли выше личнаго блага, и который и добродѣтель-то самоё избираетъ лишь оттого, что она ведетъ къ этой цѣли. Цѣлесообразность является, такимъ образомъ, какъ бы высшимъ оправданіемъ и рекомендаціей нравственности и ею опредѣляется даже то благо, съ которымъ она, эта нравственность, отождествляется. Для него, какъ и для всѣхъ его современниковъ, пережившихъ Sturm und Drang предыдущаго поколѣнія, абсолютное и неизмѣнное погибли на вѣки вмѣстѣ со всѣмъ стариннымъ міросозерцаніемъ, и ихъ мѣсто заняли, если не субъективныя мнѣнія индивида школы Протагора; то, во всякомъ случаѣ, относительное и измѣнчивое, опредѣляющееся отдѣльно въ каждомъ конкретномъ случаѣ. Благо, согласно съ этимъ, равно какъ и красота, перестали уже существовать сами въ себѣ, какъ нѣчто разъ на всегда опредѣленное и независимое отъ другихъ вещей; они стали выра-

жать лишь отношеніе, безпрестанно мѣняющееся, между двумя или нѣсколькими вещами, стоящими одна отъ другой въ зависимости средствъ и цѣлей. Сократъ поэтому училъ, что всякая вещь хороша и прекрасна лишь по отношенію къ тѣмъ цѣлямъ, къ которымъ она приспособлена, такъ что даже мусорный ящикъ можетъ быть прекрасною вещью, а золотой щитъ — уродливою, если первый отлично служитъ своему назначенію, а второй — нѣтъ! «Что является благомъ на случай голода», иллюстрировалъ онъ: «можетъ оказаться зломъ въ примѣненіи къ лихорадкѣ, и наоборотъ, что представляетъ благо на случай лихорадки, можетъ оказаться зломъ на случай голода; точно также и то, что полезно для состязанія въ борьбѣ, не всегда является таковымъ въ состязаніяхъ въ бѣгѣ и обратно». Цѣлесообразность или, что все равно, полезность является, стало быть, единственнымъ критеріемъ блага, и съ этой точки зрѣнія даже такія вещи, какъ здоровье или мудрость, не могутъ претендовать на званіе блага всегда и неизмѣнно. Развѣ, спрашиваетъ нашъ философъ, здоровье не является зломъ, а нездоровье благомъ, когда, напримѣръ, община предпринимаетъ несправедливый и неудачный походъ и въ немъ берутъ участіе всѣ здоровые члены ея? Они раздѣляютъ безнравственность предпріятія и теряютъ жизнь и свободу, въ то время какъ другіе, оставшись по старости или по нездоровью дома, сохраняютъ и ту, и другую. А мудрость,—развѣ мудрость не возбуждаетъ иной разъ зависти и другихъ непріязненныхъ чувствъ, которыя отзываются весьма плачевно на человѣкѣ, обладающемъ ею? Развѣ, напримѣръ, Паламедъ не былъ убитъ Одиссеемъ изъ ревности къ его уму и вліянію? Благо, словомъ, есть не что иное, какъ цѣлесообразность или полезность вещи и, въ этическомъ отношеніи, оно разрѣшается, въ сущности, въ пользу или выгоду личности на тотъ или другой случай! Здѣсь, между прочимъ, и кроется главный недостатокъ Сократовой этики: доказывая, что добродѣтель, а потому нравственность, руководится и должна по необходимости руководиться благомъ, изъ нея проистекающимъ, и объясняя вслѣдъ за этимъ, что подъ благомъ слѣдуетъ разумѣть не что иное, какъ выгоду индивидуума, философъ сводитъ нравственность на узко-утилитарную почву и превращаетъ ее въ орудіе Эвдемонизма (философіи личнаго счастья).

Такова въ общихъ чертахъ Сократова философія въ томъ неполномъ и несовершенномъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ. Но прежде чѣмъ перейти къ приемамъ и методу нашего философа, намъ нужно сказать еще пару словъ по нѣкоторымъ второстепеннымъ въ теоретическомъ отношеніи пунктамъ. Во-первыхъ, если добродѣтель и знаніе тождественны, такъ что всякое измѣненіе въ ту или другую сторону въ послѣднемъ неминуемо ведетъ за собою соотвѣтствующее измѣненіе и въ первой, то знаніе не есть лишь необходимое условіе нравственности: оно есть сама нравственность, сама добродѣтель, исчерпывая ея содержаніе и конституируя ее тѣмъ, что она есть. Безъ знанія, такимъ образомъ, нравственность не только не совершенна, но она прямо-таки не существуетъ, и наоборотъ, когда знаніе полно, полна и нравственность. Отсюда первое парадоксальное слѣдствіе, что нравственность можетъ быть преподаваема и изучаема, какъ научная истина. Во-вторыхъ же, если добродѣтель есть благо, то она должна быть едина, какъ едино благо личности, подъ какими формами оно ни существовало бы; отсюда—второе парадоксальное слѣдствіе, что умѣренность, справедливость, мужество, благочестіе, повиновеніе и пр. представляютъ въ сущности одно и то-же: это все—одна добродѣтель, но подъ разными точками зрѣнія.

Но важнѣе всего, однако, слѣдующее: допустимъ, что благочестіе, справедливость и пр. признаны нами за добродѣтели и, въ силу полезности ихъ, кладутся нами въ основу нашего поведения, но достаточно ли одного этого, чтобы поведение было нравственнымъ? Не необходимо-ли еще знать, въ чемъ данная добродѣтель состоитъ, чего она отъ насъ требуетъ и каковы, слѣдовательно, должны быть наши поступки, чтобы они не шли въ разрѣзъ съ ея предписаніями, а, стало быть, и не противъ нашего блага? Вѣдь, мы можемъ прекрасно знать, что благочестіе, напримѣръ, есть добродѣтель и неминуемо влечетъ за собою такое огромное благо, какъ благоволеніе людей и боговъ; мы можемъ, поэтому, искренно и отъ души желать слѣдовать ея велѣніямъ; но, не зная, въ чемъ благочестіе должно выражаться и каковы должны быть наши поступки, чтобы быть благочестивыми, мы можемъ очутиться въ такомъ же положеніи, какъ если бы даже не вѣрили въ то, что благочестіе есть добродѣтель, а потому благо.

Добродѣтель, вѣдь, самъ Сократъ говорилъ, есть знаніе,—знаніе того, что подъ нею подразумѣвается; отсюда ясно, какъ важно добиться его, какъ *conditio sine qua* поп нашей этики и морали. Но что такое знаніе? Какъ его достичь? Отвѣтъ на эти вопросы даютъ намъ Сократовы опредѣленія и методъ.

Собственно говоря, ни одинъ мыслитель до Сократа не задавалъ себѣ вопроса о томъ, что такое знаніе и при какихъ условіяхъ оно возможно. Основывая свои общественно-политическія отношенія на застывшихъ традиціяхъ, получая свои этическія понятія и идеи готовыми изъ устъ оракуловъ и поэтовъ, и занимаясь произвольными умозрѣніями въ той области космо-физическихъ наукъ, которыя настоятельно требовали наблюденія и опыта, эти мыслители никогда не занимались анализомъ своихъ взглядовъ и теорій и не подозрѣвали даже, что то, что они считаютъ знаніемъ, можетъ оказаться предразсудкомъ, призракомъ, мнѣніемъ. Они брали вещи, какъ онѣ имъ представлялись, — той стороною ихъ, которая наиболѣе ярко бросалась въ глаза, и смотрѣли на факты въ томъ условномъ свѣтѣ, въ какомъ они воспринимались не-критическимъ большинствомъ. Міръ и жизнь не были для нихъ тайною, которая для своего разрѣшенія требуетъ тяжелой работы мысли; въ своей душевной простотѣ они даже не знали, что тайна существуетъ, и съ наивностью дитяти и самоувѣренностью невѣжды они принимали за золото знанія то, что было лишь блестками воображенія и мишурою преданій.

Сократъ былъ первый, кто понялъ, что знаніе есть нѣчто большее, чѣмъ простое мнѣніе. По свидѣтельству Аристотеля, онъ былъ первый, кто сталъ пользоваться тѣмъ могучимъ подспорьемъ въ дѣлѣ познаванія и мышленія, которое на современномъ языкѣ носитъ названіе логическаго опредѣленія. Для него знать вещь значило опредѣлять ее, т. е., раскрывъ содержаніе понятія данной вещи, исключить всѣ случайные и выдѣлить въ одно органическое цѣлое тѣ ея признаки, которые сопровождаютъ ее постоянно, не смотря на перемѣны въ положеніяхъ и отношеніяхъ, въ которыя она поставлена. Правда, уже у Демокрита, а особенно у Пифагора встрѣчаемъ мы зачатки опредѣленій, но у нихъ весь логическій процессъ, выработывавшій ихъ, основывался не на анализѣ свойствъ вещи, а на ея уподобленіи или символизаци. Исходя, напримѣръ,

изъ того, что справедливость состоитъ въ ровномъ и одинаковомъ отношеніи ко всѣмъ и во всѣхъ случаяхъ, и что въ квадратѣ всѣ четыре стороны равны и перпендикулярны, Пифагоръ символизировалъ справедливость и опредѣлялъ ее, какъ квадратъ. Сократъ далеко переросъ младенческое мышленіе подобнаго рода и въ своихъ опредѣленіяхъ искалъ не внѣшнихъ аналогій, а сущности вещей, т. е. необходимыхъ ихъ свойствъ и качествъ. Съ этой точки зрѣнія его и можно назвать творцомъ логики, какъ науки: дальнѣйшее развитія ея въ этомъ направленіи было лишь дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ того, что далъ Сократъ.

Практическое значеніе этихъ опредѣленій, какъ читатель можетъ легко понять, огромно: это — та конечная цѣль, къ которой стремилась вся Сократовская система философіи. Дать рядъ опредѣленій —: благочестія, какъ знанія тѣхъ законовъ, согласно съ которыми мы должны почитать боговъ; справедливости, какъ знанія тѣхъ правилъ, сообразно съ которыми мы должны жить и поступать съ людьми; мужества, какъ знанія того, чего слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ опасаться, и т. д. — значитъ придать философіи ту жизненность, ту приложимость, безъ которыхъ ея значеніе было бы весьма ничтожно. Опредѣленія являются, такимъ образомъ, органическимъ завершеніемъ всей Сократовой системы, служа какъ бы звеньями, соединяющими во едино теорію и практику, науку и жизнь, этику и мораль. Все предыдущее было лишь установленіемъ общей точки зрѣнія, съ которой надлежитъ разсматривать нравственные понятія и отношенія людей: опредѣленіями эти самыя понятія и отношенія устанавливаются, составляя въ своей совокупности какъ бы кодексъ для практическаго руководства.

Опишемъ же теперь вкратцѣ методъ, которымъ Сократъ пользовался для выработки этихъ опредѣленій. Сократъ не преподносилъ своихъ истинъ готовыми, но, считая, что только то знаніе единственно прочно и цѣнно, которое добыто самимъ мыслящимъ субъектомъ, онъ заставлялъ своихъ собесѣдниковъ принимать дѣятельное участіе въ установленіи посылокъ, въ выведеніи заключеній, въ провѣркѣ положеній, словомъ, во всемъ логическомъ процессѣ аргументаціи. То былъ знаменитый его діалектическій методъ, — методъ перекрестныхъ вопросовъ, отвѣтовъ, возраженій,

поправокъ и пр. Умъ человѣка, по мнѣнію нашего философа, чреватъ истинами, которыя требуютъ лишь извѣстнаго ухода, и въ крайнемъ случаѣ, операціи, чтобы явиться на свѣтъ Божій. Эти истины — подобны младенцамъ, скрытымъ въ чревѣ матери, и роль философа въ томъ и состоитъ, чтобы помочь родильницѣ-разуму въ ея родахъ. Оттого Сократъ любилъ себя сравнивать съ акушеромъ, который самъ не рождаетъ, но помогаетъ рожать другимъ, и діалектическій методъ и былъ тѣмъ инструментомъ, при помощи котораго онъ извлекалъ истины изъ умовъ своихъ собесѣдниковъ. Ясно, поэтому, что онъ не могъ выдвигать впередъ своего собственнаго мнѣнія: собесѣдникъ его долженъ былъ самъ дойти до него, уподобляясь роженицѣ. Оттого исходной точкою Сократа всегда почти служило общепринятое мнѣніе по данному вопросу, которое затѣмъ, цѣлымъ рядомъ провѣрокъ и поправокъ, постепенно измѣнялось такъ, чтобы охватить тѣ или другіе факты и, наконецъ, получить то содержаніе и ту форму, которыя желалъ Сократъ. Для иллюстраціи приведемъ изъ Ксенофонта одинъ изъ наиболѣе характерныхъ разговоровъ, который Сократъ имѣлъ съ молодымъ, но самоувѣреннымъ Эвтидемомъ. Заполучивъ отъ своего собесѣдника увѣреніе, что онъ отлично знаетъ, что такое справедливость и что нѣтъ, Сократъ проситъ его объяснить, что онъ понимаетъ подъ этими терминами: «Такъ вотъ, хочешь», говоритъ онъ, «мы здѣсь напишемъ альфу, а здѣсь — дельту, и все, что справедливо, мы помѣстимъ подъ дельту, а что несправедливо — подъ альфу». «Съ удовольствіемъ». «Ну, сдѣлано. Теперь скажи мнѣ: существуетъ-ли на землѣ ложь?» «Конечно». «Подъ какую букву помѣстить ее?» «Подъ альфу, несомнѣнно». «А обманъ существуетъ?» «Тоже». «Куда ее прикажешь помѣстить?» «Туда же, что и ложь». «А куда отнесемъ мы такіе поступки, какъ напри- мѣръ, обращеніе людей въ рабство, къ справедливости?» «О, нѣтъ: подъ альфу, конечно». «Но скажи», послѣ минутнаго молчанія спросилъ вдругъ Сократъ, «если полководецъ обратитъ въ рабство нечестивый и непріятельскій народъ, будетъ-ли этотъ поступокъ несправедливымъ?» «О, нѣтъ». «Не назовемъ-ли мы этотъ поступокъ скорѣе справедливымъ?» «Конечно». «А если въ военное время онъ станетъ обманывать враговъ, — справедливо-ли это будетъ или нѣтъ?» «Безъ сомнѣнія, справедливо». «А если увезетъ

ихъ имущество?» «Тоже справедливо. Но», продолжаетъ Эвтидемъ, «я думалъ, что предлагая свои вопросы, ты имѣешь въ виду наши отношенія къ друзьямъ только». «Очень жаль, но все равно. Намъ, стало быть, нужно сдѣлать кой-какія поправки и помѣстить подъ дельту то, что было отнесено къ альфѣ?» «Да, конечно». «Значитъ, ты согласенъ, что, разиѣщая вышеозначенные поступки подъ разныя рубрики, мы должны еще руководиться тѣмъ соображеніемъ, что для враговъ они будутъ справедливы, а по отношенію къ друзьямъ—несправедливы, и что по отношенію къ послѣднимъ намъ вообще надлежитъ быть сколь возможно прямѣе?» «Безъ сомнѣнія, такъ». «Ну, хорошо. Но что, если этотъ самый полководецъ, замѣтивъ въ своей арміи признаки малодушія, вздумаетъ обмануть ее ложнымъ извѣстіемъ о скоромъ прибытіи помощи и обозовъ и тѣмъ самымъ возвратитъ ей мужество и увѣренность въ своихъ силахъ? будетъ это справедливо или несправедливо?» «Думаю, что справедливо». «А если отецъ, когда сынъ его боленъ, но не хочетъ принимать лекарство, обманетъ его и подастъ ему микстуру подъ видомъ вина и тѣмъ возвратитъ ему здоровье,—отнесемъ-ли мы этотъ поступокъ къ дельтѣ или альфѣ?» «Конечно, къ дельтѣ». «А если кто-нибудь, видя своего друга въ большомъ отчаяніи и боясь со стороны его какихъ-нибудь безразсудныхъ поступковъ, украдетъ у него мечъ или другое оружіе,—будетъ это справедливо или нѣтъ?» «Конечно, справедливо». «Въ такомъ случаѣ, ты признаешь, что даже по отношенію къ друзьямъ мы не всегда должны быть прямы и откровенны?» «Да, признаю, и беру назадъ то, что я сказалъ раньше».

На этомъ діалогъ не кончается, но къ сожалѣнію, онъ и потомъ не доходитъ до опредѣленно формулированныхъ и положительныхъ выводовъ; тѣмъ не менѣе и приведеннаго отрывка достаточно, чтобъ понять сущность Сократовскаго метода: она заключается въ достиженіи положительныхъ заключеній путемъ отрицательныхъ инстанцій, а это, какъ извѣстно, составляетъ сущность и индуктивнаго метода. Но все же, это не значитъ, что Сократъ предвосхитилъ методъ современной науки, какъ его разработали сначала Аристотель, а потомъ, еще больше, Вэконъ: его отрицательныя инстанціи были весьма сомнительнаго достоинства, основываясь не на тщательно собранныхъ и провѣренныхъ фак-

тахъ надлежащаго количества и качества, а, главнымъ образомъ, на аналогіяхъ, подчасъ даже поверхностныхъ, и фактахъ, взятыхъ на-обумъ изъ ежедневной практической жизни.

Но не смотря на такіе серьезные недостатки, діалектическій методъ произвелъ цѣлую революцію въ приемахъ греческаго мышленія: истина перестала приниматься на вѣру, въ силу ли окружающаго ее авторитета или «горячаго слова убѣжденья»; она стала объектомъ разумнаго пониманія, требующимъ сознательной работы мысли, и покоилась на критически-выработанныхъ устояхъ. Съ другой же стороны, сталъ невозможенъ и догматизмъ: отрицательный процессъ Сократовскаго метода (эленхъ), подобно тѣмъ химическимъ реагентамъ, противъ которыхъ могутъ устоять одни лишь благородные металлы, безжалостно разрушалъ все, что покоилось на глиняныхъ ногахъ: мнѣнія, не имѣвшія за собою ничего, кромѣ популярности или привычки, падали и разбивались какъ истуканы, сброшенные невѣрующей рукою, и только тѣ изъ нихъ имѣли шансы уцѣлѣть, которыя могли указать на происхожденіе болѣе высокое, нежели предразсудокъ.]

При этомъ происходили чрезвычайно драматическія сцены, которыя такъ характеризуютъ приемы нашего философа, что знакомство съ общимъ характеромъ ихъ не только любопытно, но и весьма важно. Обыкновенно дѣло происходило такимъ образомъ. Сократъ подходитъ къ какому-нибудь извѣстному ритору, окруженному многочисленной свитой благоговѣющихъ учениковъ, и смиренно проситъ его объяснить, что слѣдуетъ понимать подъ той или другой добродѣтелью. Тотъ, увѣренный въ своихъ силахъ, рѣдко задумывается и съ апломбомъ даетъ первое всплывшее ему на умъ опредѣленіе. Сократу больше и не нужно: все съ тѣмъ же видомъ простодушной невинности онъ выводитъ изъ даннаго ему опредѣленія какое-нибудь положеніе и спрашиваетъ ритора, вѣрно ли оно? Риторъ соглашается; тогда Сократъ подводитъ подъ это положеніе другое, третье и т. д. — всѣ логически вытекающія одно изъ другого. Доведши своего собесѣдника до какого-нибудь желаннаго ему, Сократу, заключенія, по счету, скажемъ, четвертаго, нашъ философъ вдругъ, безъ всякаго измѣненія въ тонѣ голоса, указываетъ на общеизвѣстный фактъ, который совершенно противорѣчитъ послѣднему изъ найденныхъ положеній: олимпійскій собесѣд-

никъ чувствуетъ неловкость и послѣ нѣкоторыхъ, но напрасныхъ усилій затемнить вопросъ софизмами, принужденъ въ концѣ концовъ отказаться отъ самаго положенія. Тогда Сократъ добродушно приводитъ другой фактъ, который уже опровергаетъ предыдущее, третье, положеніе: противникъ еще болѣе смущенъ, присутствующая толпа начинаетъ уже посмѣиваться, — и опять, послѣ нѣкоторыхъ тщетныхъ усилій выбраться изъ ямы, риторъ принужденъ взять обратно свое положеніе № 3. Сократъ идетъ дальше и — быть можетъ, уже съ явной ироніей, — преподноситъ своему растерявшемуся противнику другой фактъ, который противорѣчитъ положенію второму. Риторъ чувствуетъ какъ бы чьи-то руки у горла, блѣднѣетъ, краснѣетъ и, наконецъ, отступаетъ къ своему первоначальному опредѣленію. Къ сожалѣнію, Сократъ не унимается, и тѣмъ же путемъ, что и прежде, доказываетъ ошибочность и этого опредѣленія. Риторъ совершенно сбить съ толку, онъ чувствуетъ уже физическую усталость и съ какимъ-то геройскимъ отчаяніемъ сознается въ небрежности и вноситъ поправку въ данное имъ опредѣленіе. Но и это напрасно: Сократъ держитъ его какъ клещами, и куда противникъ ни поворачивается, — вездѣ онъ встрѣчаетъ рядъ ужаснѣйшихъ фактовъ, разбивающихъ его опредѣленія въ пухъ и прахъ. Послѣ пары часовъ пренепріятнѣйшаго нравственнаго состоянія, риторъ долженъ умолкнуть подъ дѣйствіемъ Сократовыхъ орудій и либо сознаться въ своемъ невѣжествѣ, либо съ позоромъ и въ смущеніи уйти домой, сопровождаемый хохотомъ публики.

〔Такъ работала сократовскій методъ — орудіе холодное, но благотворное, какъ ланцетъ: онъ заставлялъ людей сознавать свое невѣжество и такимъ образомъ сдѣлать первый и главный шагъ къ тому самопознанію, которое Сократъ считалъ за необходимое условіе человѣческой мудрости и за существенный залогъ человѣческаго счастья. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ оскорблялъ людей въ ихъ лучшихъ и худшихъ чувствахъ: ихъ священнѣйшія вѣрованія вырывались и осмѣивались, ихъ самолюбію наносились удары, ихъ самоуваженіе подвергалось испытанію, и насмѣшки и остроты вкругъ стоящей толпы довершали остальное. Ненависть противъ философскаго сатира всеялась въ сердца людей, и эта ненависть не замедлила дать свои плоды.〕

Въ заключеніе упомянемъ о религіозныхъ и политическихъ убѣжденіяхъ Сократа. *Повидимому* его понятія въ религіи не шли дальше общепринятыхъ. Онъ твердо вѣрилъ въ оракулы, знаменія и жертвоприношенія и вѣнчалъ каждому гражданину въ обязанность почитать національныхъ боговъ въ установленной формѣ. Но это только повидимому. Мы не рѣшимся сказать, что онъ возвысился до безусловнаго признанія Единого Бога и до ясной концепціи о безсмертіи души и загробной жизни; но несомнѣнно, что эти идеи уже носились, хотя и смутно, въ его умѣ, и что его понятія во всякомъ случаѣ стояли неизмѣримо выше, нежели у кого бы то ни было изъ его современниковъ. Греческое многобожіе съ его наивнымъ антропоморфизмомъ перестало его удовлетворять: онъ уже видѣлъ въ Божествѣ Разумнаго Творца и Правителя вселенной, къ которому понятія нашего конечнаго разума совсѣмъ почти неприменимы. Онъ училъ, наиримѣръ, что никто не обязанъ дѣлать богамъ приношенія не по своимъ средствамъ, ибо въ глазахъ божества тотъ, кто подноситъ малое изъ малыхъ средствъ, ничуть не хуже того, кто подноситъ большое изъ крупныхъ средствъ: въ противномъ случаѣ, злые люди часто, а богатые люди постоянно были-бы угодны небу. Боги въ дарахъ не нуждаются, а если все таки интересуются ими, то лишь постольку, по скольку въ нихъ выражается благочестіе подносящаго. Точно такъ-же считалъ онъ непозволительнымъ и богохульнымъ просить Бога о тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ благахъ, вродѣ богатства или власти или даже здоровья: онъ полагалъ, что по своей безконечной добротѣ и всевѣдѣнію боги лучше, чѣмъ люди знаютъ, что есть благо вообще и что есть благо въ частности для того или другого человѣка, на тотъ или другой случай. Кромѣ того, стоя на почвѣ разумнаго пониманія, а не авторитетовъ или традицій, Сократъ первый систематически сталъ доказывать бытіе и всеблагость Бога тѣмъ способомъ, который позднѣе, подъ именемъ—телеологическаго, получилъ такое широкое значеніе въ христіанскомъ богословіи. Исходя изъ того, что разумное и цѣлесообразное не можетъ не предполагать творящаго и упорядочивающаго разума, подобно тому какъ произведенія литературы и искусства не могутъ не предполагать Гомера, Софокла, Поликета, Зевксиса и другихъ, Сократъ старается показать эту разум-

ность и цѣлесообразность въ природѣ, ея устройствѣ и явленіяхъ. Онъ указываетъ на наши органы чувствъ, такъ чудно приспособленные къ воспріятію различныхъ впечатлѣній,—на глаза, приспособленные къ зрѣнію, ноздри—къ обонянію, языкъ—къ вкусу, вѣки—къ запиранію глазъ на ночь, рѣсницы—къ предохраненію ихъ отъ вѣтра, брови—къ защитѣ ихъ отъ лобнаго пота, и т. д. Онъ дальше описываетъ, какъ мудро расположены всѣ эти органы и какъ разумно устроены наши инстинкты и страсти, а затѣмъ переходитъ къ доказательству того, что все это имѣетъ въ виду благо человѣка и ничье другое. Онъ говоритъ о животномъ царствѣ, предназначенномъ на пищу и помощь человѣку, о солнцѣ и планетахъ, производящихъ перемѣны временъ года и указывающихъ намъ время днемъ и ночью, о стихіяхъ, безъ которыхъ не только не были бы возможны ремесла и прочія занятія, но и сама жизнь, о вертикальномъ положеніи человеческого тѣла, дающемъ возможность видѣть все передъ собою и притомъ на далекое пространство, на различныя части нашего тѣла, какъ руки, на нашу способность все запоминать и передавать наши мысли другому,—и изъ всего этого, въ связи съ очевидными фактами оракуловъ, знаменій и другихъ формъ откровенія, выводитъ заключеніе о томъ, что боги не только существуютъ, но и заботятся о насъ, какъ объ избранныхъ творенія.

Намъ это все не покажется ни особенно убѣдительнымъ, ни даже оригинальнымъ, но оно было такимъ, когда на площадяхъ Аѳинъ передъ толпою слушателей. религіозныя концепціи которыхъ не поднимались выше Олимпа, Сократъ съ обычною своею логикою и силою рѣчи впервые сталъ развивать этотъ аргументъ о все-проникающемъ и все-устроющемъ Божественномъ Разумѣ. Для средняго ума того времени такое абстрактное мышленіе было не подъ силу, и дѣйствительно, оно было плохо понято и, какъ увидимъ, навлекло на Сократа обвиненіе въ ереси.

Что же касается его общественно-политическихъ взглядовъ, то при оцѣнкѣ ихъ намъ не слѣдуетъ упускать изъ виду того своеобразнаго характера, какой носила тогдашняя эпоха. Аѳинская политія была еще, повидимому, въ полномъ цвѣту: всѣ старанія и попытки поземельныхъ классовъ устранить съ политической арены народную массу и поставить у кормила власти аристокра-

тическую олигархію, казалось, были безсильны надломить крѣпость гражданскаго самосознанія; заговоры ихъ оканчивались всякій разъ плачевнымъ фіаско, и народъ все еще продолжалъ быть посетелемъ державности какъ въ конституціонной теоріи, такъ и на практикѣ государственной жизни. вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, подъ разлагающимъ вліяніемъ денежнаго хозяйства, обратившаго одну часть населенія въ алчную коммерческую буржуазію, а другую—въ паразитическую городскую чернь, устой аѳинскаго общества незамѣтнымъ, но роковымъ образомъ стали подтачиваться нравственною и политическою деморализаціей, и на общественномъ горизонтѣ стала все яснѣе и яснѣе обрисовываться надвигающаяся тѣнь деспотизма и рабства. Людьями стало овладѣвать безотчетное безпокойство, и тѣ изъ нихъ, которые обладали достаточною проницательностью, чтобы видѣть, къ какой безпросвѣтной безднѣ неуклонно стремится общество, стали крѣпко задумываться надъ причинами этого печальнаго явленія и надъ мѣрами, которыя могли бы пріостановить его ростъ или даже всецѣло устранить его. Имъ начинало казаться, что корни зла, настоящаго и грядущаго, слѣдуетъ искать въ той неподготовленности къ политической жизни и разрѣшенію задачъ государственнаго правленія, которую обнаруживали и, по природѣ своей, должны были обнаруживать тѣ и другіе изъ существующихъ классовъ общества—какъ низшіе, благодаря невѣжеству и легкомыслію, на которыя они осуждены своимъ образомъ жизни и родомъ дѣятельности, такъ и высшіе, ослѣпляемые честолюбіемъ и властолюбіемъ. Ни демократія, поэтому, ни олигархія не годятся, по существу своему, какъ формы правленія, и въ чьи бы объятія ни кинулось государство въ поискахъ за благополучіемъ и хотя бы устойчивостью, оно не найдетъ ихъ ни въ народной массѣ, ни въ богатыхъ классахъ. Спасеніе возможно лишь въ одномъ случаѣ, а именно тогда, когда у государственнаго руля будутъ стоять отборнѣйшіе, лучшіе и образованнѣйшіе люди—«аристократія» въ настоящемъ и буквальномъ значеніи этого слова. Пусть это идетъ въ разрѣзъ съ ходячими теоріями о народовластіи или правахъ собственности, но въ мірѣ общественномъ, какъ въ мірѣ физическомъ, намъ приходится считаться не съ отвлеченными принципами, а съ конкретными фактами, которые слишкомъ часто учатъ совсѣмъ иному, чѣмъ первые.

Платонъ, какъ мы знаемъ, былъ первый, кто формулировалъ эти взгляды съ ясностью и точностью систематическаго мыслителя; но учителемъ его былъ Сократъ. Для него, Сократа, какъ и для всякаго грека того времени, личность отдѣльно отъ общества и общественныхъ интересовъ казалась невысказанною, и въ противоположность позднѣйшимъ мудрецамъ изъ стоической и эпикурейской школъ, онъ неустанно требовалъ, чтобы каждый гражданинъ несъ какую-нибудь общественную службу подъ той или другой формой. Его концепціи о призваніи и отвѣтственности политическаго дѣятеля были столь высоки, что онъ требовалъ спеціального образованія и подготовки для всѣхъ тѣхъ, кто хотѣлъ бы посвятить себя государственнымъ дѣламъ, и онъ готовъ былъ устранить отъ непосредственнаго завѣдыванія политикою вѣншею и внутреннею всякаго, кто по своей неспособности или другимъ причинамъ могъ бы принести своей дѣятельностью больше вреда, нежели пользы. вмѣстѣ съ тѣмъ эти же самыя высокія концепціи были источникомъ его отрицательнаго отношенія къ господствовавшей формѣ правленія. Такъ, напримѣръ, онъ зло смѣялся надъ тѣми теоретиками демократіи, которые считали способъ выбора должностныхъ лицъ посредствомъ жребія изъ всей народной массы за наиболѣе разумный и цѣлесообразный. «Развѣ», говорилъ онъ: мы выбираемъ такимъ путемъ кормчаго, флейтиста, архитектора или другого какого спеціалиста? А, вѣдь, ошибки, которыя они могутъ совершить при выполненіи своихъ обязанностей, ничтожны въ сравненіи съ ошибками государственныхъ людей!» Ему казалось смѣшнымъ и нелѣпымъ вручать заботу о безопасности и благополучіи общины «невѣжественной городской черни», и его презрѣніе къ народному собранію, состоявшему изъ нея, часто переходило за должныя границы. Обращаясь къ Хармиду, стѣснявшемуся выступить съ рѣчью передъ публикой, Сократъ ему говоритъ: «Я долженъ напомнить тебѣ, что въ то время, какъ ты, не робѣя, говоришь передъ умнѣйшимъ и сильнѣйшимъ, ты стѣсняешься говорить передъ глупѣйшими и слабѣйшими. Неужели ты робѣешь передъ кожевниками, сапожниками, плотниками, кузнецами, матросами и рыночными торговцами, размышляющими лишь о томъ, какъ бы продать подороже и купить по дешевле? А, вѣдь, только изъ такихъ и состоитъ народное собраніе». «Я

вамъ долженъ сказать откровенно», говоритъ онъ народу на судѣ: «и вы не обижайтесь: въ виду безчисленныхъ беззаконій и несправедливостей, царящихъ въ обществѣ, ни одинъ человѣкъ, не соглашающійся съ толпою или выступающій противъ нея, не можетъ рассчитывать на безопасность. Тотъ, кто борется за справедливость, но вмѣстѣ съ тѣмъ дорожитъ своей шкурою, долженъ замкнуться въ частную жизнь и не выступать въ публичную!»

[При всемъ томъ, однако, намъ не слѣдуетъ забывать и оборотной стороны медали. Онъ никогда не думалъ отнимать у народа державности, а напротивъ, считалъ народную санкцію законамъ и мѣропріятіямъ, изданнымъ правителями, за необходимое условіе общественнаго благополучія и прогресса. Всякое правительство, въ чьихъ бы рукахъ оно ни находилось—аристократіи или плутократіи, — которое правитъ государствомъ съ согласія народа и по законамъ, имъ установленнымъ, онъ считаетъ нормальнымъ; всякое-же другое онъ называетъ тиранніей, — этимъ страшнымъ и зловѣщимъ для афинскаго уха именемъ. И что всего важнѣе, эти законы, какъ выраженіе коллективной воли народа, занимали въ его политическомъ міросозерцаніи такое высокое мѣсто, что являлись чуть ли не единственными источниками права, — даже больше, синонимомъ справедливости. «По твоему, значить», обращается къ Сократу собесѣдникъ его: «поступать согласно съ законами то же, что и быть справедливымъ?» «Именно». «Какъ же такъ?» «А вотъ, какъ. Что представляютъ изъ себя законы государства, — знаешь?» «Знаю». «А что?» «Тѣ постановленія, которыми граждане, собравшись вмѣстѣ, опредѣлили, что слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ дѣлать». «Но развѣ, по твоему, человѣкъ, поступающій согласно съ этими постановленіями, не поступаетъ согласно съ законами, а человѣкъ, преступающій эти постановленія, не нарушаетъ эти законы?» «Безъ сомнѣнія». «Но развѣ не поступаетъ справедливо тотъ, кто повинуется законамъ, а несправедливо тотъ, кто нарушаетъ ихъ?» «Конечно». «А развѣ мы не можемъ назвать справедливымъ того, кто поступаетъ справедливо, а несправедливымъ того, кто поступаетъ несправедливо?» «Безъ сомнѣнія». «Въ такомъ случаѣ, кто поступаетъ согласно съ законами, справедливъ, а тотъ, кто нарушаетъ ихъ, несправедливъ».

Аргументація, должно признаться, мало убѣдительна, да и само

доказываемое положеніе врядъ-ли безошибочно; тѣмъ не менѣе, при внимательномъ разсмотрѣніи этого послѣдняго, оно окажется не чѣмъ инымъ, какъ признаніемъ воли народа за высшій чело-вѣческій законъ, на который нѣтъ и не можетъ быть никакихъ апелляцій. Это шло въ совершенный униссонъ съ господствовав-шими тогда на дѣлѣ воззрѣніями и даже практикою, и было, та-кимъ образомъ, вполне ортодоксально, но оно, какъ мы сейчасъ увидимъ, не въ состояніи было спасти нашего мудреца отъ обви-неній въ «политической неблагонадежности».)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Пункты обвиненія противъ Сократа.—Насколько они основательны.—
Что способствовало успѣху ихъ.—Гордое поведеніе Сократа на судѣ.—
Обвинительный вердиктъ и вопросъ о наказаніи. Послѣдняя рѣчь.—
Сократъ въ тюрьмѣ.—Его послѣдній день и смерть.

Ни философское ученіе, ни діалектическіе приемы Сократа не могли прійтись по вкусу большинства его современниковъ. Обозрѣвая глазами нашего, 19-го, вѣка доктрины, а главное, личность этого философа, мы не испытываемъ ничего, кромѣ чувства безконечнаго уваженія и преклоненія, и когда мы узнаемъ, что этотъ замѣчательный человѣкъ и мудрецъ погибъ смертью преступника, нашему удивленію нѣтъ предѣловъ. Мы забываемъ, что господствующій въ каждый историческій моментъ уровень понятій и убѣжденій представляетъ линію, за которую всякое значительное отклоненіе въ ту или другую сторону считается явленіемъ ненормальнымъ, и не только та личность, которая въ своемъ поведеніи и убѣжденіяхъ падаетъ ниже этого уровня, но даже и такая, которая надъ нимъ возвышается, переходя за предѣлы умственнаго горизонта своего времени, рискуетъ подвергаться порицанію и даже осужденію. Человѣчество въ общемъ далеко не оригинально: быть можетъ, благодаря этой неоригинальности и возможна та дисциплина, безъ которой общество не могло бы существовать; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она становится источникомъ тѣхъ трагическихъ положеній, въ которыя такъ часто приходится стать личности, значительно опережающей свой вѣкъ. Такъ оно бываетъ и теперѣ, и такъ было, — въ еще болѣе высокой степени — во время Со-

крата, когда права, признаваемая за обществом надъ личностью, были и шире, и многочисленнѣе, нежели въ настоящее время.

И вотъ, въ апрѣлѣ или маѣ 399 г. до Р. Хр.—мы въ точности не знаемъ ни числа, ни мѣсяца—три афинскихъ гражданина—одинъ изъ нихъ богатый и вліятельный демократъ кожевникъ Анить, личный недругъ философа, другой—неизвѣстный намъ поэтъ Мелитъ, а третій—довольно популярный риторъ Ликонъ представили на народный судъ Геліастовъ слѣдующее обвиненіе противъ Сократа: «онъ нарушаетъ законы государства, не признавая національныхъ боговъ и вводя новые, а также развращаетъ молодое поколѣніе».

Что касается до перваго изъ этихъ пунктовъ, то, вспоминая идеи Сократа о Богѣ и становясь на точку зрѣнія того вѣка, мы не можемъ не признать, что до извѣстной степени онъ былъ основателемъ. Правда, Сократъ аккуратно исполнялъ обязанности, требуемыя греческой религіей, приносилъ жертвоприношенія и искалъ совѣта у прорицателей и оракуловъ; но его отвлеченныя понятія о Божествѣ, какъ о Верховномъ Разумѣ, совершенно недоступномъ ни нашимъ взорамъ, ни нашему уму, шли въ разрѣзъ съ конкретными представленіями его согражданъ, создававшихъ своихъ боговъ по своему же собственному образу и подобию. Боги античной Греціи съ ихъ желаніями, страстями, потребностями и слабостями были тѣ же люди, что и греки сами, и только своимъ бессмертіемъ и нѣкоторыми тѣлесными преимуществами отличались они отъ обыкновенныхъ человѣческихъ существъ. Но какъ разъ это Сократъ отрицалъ,—правда, не столько открыто формулированными мнѣніями, сколько общимъ духомъ своего ученія; но люди были достаточно проникательны, чтобы понять такія вещи и безъ словъ, и достаточно близоруки, чтобы, понявъ, осудить ихъ какъ ересь. Къ тому же, злополучный его «демонъ» былъ такою же таинственностью для афинянъ, какъ и для насъ, но въ то время, какъ мы не обращали-бы на него никакого вниманія или объясняли бы личными особенностями философа, афиняне, какъ оно и естественно было для того времени, усмотрѣли въ немъ новое и неизвѣстное божество, къ которому Сократъ прибѣгалъ и охотнѣе, и чаще, нежели къ національнымъ богамъ.

Нѣчто подобное приходится сказать и относительно другого

пункта обвиненія. Намъ, обозрѣвающимъ ту эпоху глазами отдаленныхъ потомковъ, которые могутъ судить и съ бѣльшимъ знаніемъ, и съ бѣльшимъ хладнокровіемъ, легко говорить, что Сократъ ничуть не былъ развратителемъ молодого поколѣнія: для насъ это нынѣ истина столь непреложная, что всякое противное мнѣніе можетъ лишь вызвать на нашихъ устахъ улыбку сожалѣнія, и ничего больше; но не столь очевиднымъ это казалось современникамъ, которымъ близость перспективы мѣщала и разсматрѣть дѣло яснѣе, и обсудить его безпристрастнѣе. Всякій зналъ, конечно, что Сократъ не только самъ выполнялъ свои гражданскія обязанности съ рѣдкою добросовѣстностью, но и требовалъ того же и отъ другихъ: даже на свою собственную философскую дѣятельность онъ смотрѣлъ не иначе, какъ на служеніе обществу, — служеніе тѣмъ болѣе высокое и цѣнное, что, не будучи, правда, непосредственнымъ, оно подготовляло однако многочисленныхъ гражданъ, которые своимъ умственнымъ развитіемъ, нравственной чистотою и высокими сознаніемъ долга и отвѣтственности могутъ оказать ему, этому обществу, громадныя услуги. Тѣмъ не менѣе, были и другія обстоятельства, которыя въ значительной мѣрѣ, казалось, перевѣшивали эти факты и придавали обвиненію широкую популярность. Съ одной стороны, его отрицательнаго отношенія ко всѣмъ освященнымъ стариною идеямъ и вѣрованіямъ было достаточно, чтобы навлечь на него свирѣпую ненависть со стороны консерваторовъ-аристократовъ; и дѣйствительно, уже 24 года тому назадъ знаменитый Аристофанъ, по этому самому вопросу о развращеніи юношества, выставилъ его въ своей комедіи «Облака» главою софистовъ и осыпалъ его злыми насмѣшками и инсинуаціями. Но съ другой стороны, и для демократовъ, сторонниковъ новаго порядка, онъ не могъ быть желаннымъ пророкомъ съ своими постоянными указаніями на недостатки существующей конституціи и своимъ пристрастіемъ къ правленію «лучшихъ» людей. Ему не разъ выставляли на видъ опасность для молодыхъ умовъ такого рода мнѣній, и въ видѣ доказательства приводили примѣры двухъ бывшихъ его учениковъ, Критія и Алкивіада, изъ которыхъ первый сталъ во главѣ аристократической реакціи и былъ однимъ изъ тридцати тирановъ, а другой измѣнилъ своему отечеству и предался его врагамъ. Напрасно Сократъ и его друзья до-

казывали нелѣпность подобнаго рода обвиненій, утверждая, что ни тотъ, ни другой не приходилъ къ Сократу учиться мудрости, а лишь діалектическому методу, — который могъ имъ быть полезенъ въ преніяхъ въ народномъ собраніи: напрасно они дальше указывали, что далеко не всѣ ученики Сократа были Критіями и Алкивіадами, а что среди нихъ были такіе люди, какъ Херэфонтъ, — пламенный патріотъ и сподвижникъ Тразибулла: на нихъ не обращали вниманія. Общее направленіе Сократовыхъ ученій слишкомъ, казалось, говорило противъ мудреца, чтобы единичные факты могли имѣть какое-либо значеніе: то были скорѣе счастливыя исключенія, нежели правила, и, какъ таковыя, ихъ можно смѣло игнорировать.

Такимъ образомъ, для того вѣка обвиненія противъ Сократа вовсе уже не были такъ нелѣпы, какъ они могли бы показаться намъ въ настоящее время. Мы не думаемъ, конечно, оправдывать его обвинителей, какъ то пытались сдѣлать нѣкоторые ученые (напр., Форхгаммеръ); мы лишь можемъ оплакивать несовершенство условій, при которыхъ совершается прогрессъ человѣческихъ обществъ и которыя часто приводятъ лучшихъ людей къ столь плачевнымъ положеніямъ.

Успѣху же обвиненія способствовали, главнымъ образомъ, два обстоятельства. Во-первыхъ, большинство судей были убѣжденные демократы, которые, вернувшись изъ ссылки подъ предводительствомъ Тразибулла, съ оружіемъ въ рукахъ завоевали гражданскую свободу и, по низложеніи тридцати тирановъ, возстановили прежнюю демократическую конституцію. Для такихъ людей человѣкъ, смѣявшійся надъ системою выборовъ посредствомъ жребія и презрительно относившійся къ державному народному собранію, «какъ къ кучѣ фальшивыхъ монетъ, даже безконечное количество которыхъ нисколько не уменьшаетъ негодности ихъ», казался ходячимъ оскорбленіемъ, — лицомъ, которымъ дорожить, не смотря на прочія его достоинства, не было большой на то причины. Во-вторыхъ же, среди этихъ судей и ихъ знакомыхъ, вѣроятно, не мало было такихъ, съ которыми, къ ихъ полному пораженію, Сократъ не разъ ломалъ копья діалектики по поводу того или другого пункта философіи. Истина всегда горька, и видѣть ее преподносимою съ такою убійственною

ироніей, какъ то дѣлалъ Сократъ, было болѣе, чѣмъ оскорбительно. Къ тому же, и безсиліе, съ какимъ человѣкъ принужденъ былъ видѣть разрушеніе своихъ родныхъ, унаслѣдованныхъ и вмѣстѣ съ молокомъ матери претворенныхъ догматовъ, было невыносимо. Одна внѣшность, одно появленіе Сократа сдѣлалось многимъ ненавистно, и не только брань, но нерѣдко и побои доставались мудрецу, какъ замѣна аргументу, котораго противникъ не въ состояніи былъ придумать. Сократъ въ такія минуты могъ спокойно замѣчать, что подобные инциденты столь же мало оскорбляютъ его, какъ и ляганье прохожаго осла: на нихъ даже не стоитъ обращать вниманія; но дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ, когда тѣ же противники—изъ софистовъ и другихъ—возсѣли на судейскую скамью и получили въ свое распоряженіе самую жизнь мудреца. Тогда игнорировать ихъ уже не было возможности, и смерть казалась неминуемой.

При всемъ томъ, много еще зависѣло отъ поведенія обвиняемаго на судѣ. Искусная защита и, еще болѣе, искусное воззваніе къ чувствамъ судей могли бы въ значительной степени смягчить враждебное настроеніе послѣднихъ. Пунктъ за пунктомъ разбить возводимыя обвиненія, подробно и краснорѣчиво изложить свое безупречное прошлое, выставить на видъ свои заслуги на войнѣ и во время правленія 30-ти тирановъ и, что всего важнѣе, стараться тронуть сердца судей состраданіемъ къ его сѣдинамъ и его семьѣ,—рѣчь такого рода, навѣрное, оказала бы сильное впечатлѣніе и заставила бы обвинителей умолкнуть. Самъ Перикль, великій и гордый Перикль, не считалъ ниже своего достоинства прибѣгнуть къ подобнымъ приемамъ, когда дѣло шло объ участи Аспазіи: тѣмъ скорѣе могъ бы рѣшиться на это Сократъ, когда вопросъ шель о его собственной жизни, о благополучіи его малютокъ и о нравственномъ благѣ его учениковъ. Но напрасно друзья уговаривали его къ этому и даже сочиняли защитительныя рѣчи: мудрецъ съ твердостью отказывался отъ компромиссовъ, ссылаясь на то, что онъ всей своей жизнью готовилъ себѣ защиту. «Я человѣкъ, какъ и всякій другой», говорилъ онъ своимъ судьямъ по этому поводу: «и подобно всѣмъ смертнымъ, состою не изъ камня и дерева, какъ выражался Гомеръ, а изъ плоти и крови, весьма чувствительныхъ въ страданіямъ. У меня имѣется также и семья,

къ которой я привязанъ всѣмъ сердцемъ,—три сына, изъ которыхъ одинъ—взрослый, а двое другихъ—еще малыя дѣти. Все-же я ихъ не приведу сюда, чтобы мольбами разжалобить ваши сердца и тѣмъ добиться оправданія... Вы спросите, почему? Повѣрьте, что не изъ гордости и не изъ недостатка къ вамъ уваженія, и ни даже оттого, что не чувствую страха передъ смертью, а просто въ виду общественнаго мнѣнія, которое найдетъ подобное поведеніе съ моей стороны недостойнымъ ни меня, ни васъ, ни всего аѣинскаго общества. Не только для человѣка въ моемъ возрастѣ и съ моей репутаціей мудреца было бы непристойно унижаться.... но, и вообще, просить у судьи снисхожденія и тѣмъ добиться своей свободы—въ высшей степени безнравственно. Ибо обязанность судьи — не дарить справедливость, а произносить приговоръ: онъ поклялся судить согласно съ законами, а не со своими личными пристрастіями. Ни мы поэтому не должны поощрять въ васъ подобнаго рода слабости, ни вы сами не должны ихъ позволить: въ противномъ случаѣ, получится не справедливость, а богохульство... Кромѣ того, о аѣиняне, если бы я мольбою или силою убѣжденія заставилъ васъ забыть свою клятву, я этимъ самымъ училъ-бы васъ, что боговъ нѣтъ, и такимъ образомъ, защищаясь отъ нападковъ въ невѣріи, обвинилъ бы себя самъ...».

Такимъ образомъ Сократъ не только отказывается просить у судей снисхожденія, но еще и заставляетъ ихъ выслушивать на этотъ счетъ такія откровенности, которыя врядъ-ли могли прійтись имъ по вкусу и расположить ихъ въ его пользу. Но и этого мало. Когда ему предлагаютъ пойти на уступки и отказаться отъ своихъ убѣжденій и дальнѣйшей дѣятельности, Сократъ гордо заявляетъ, что онъ смерти не боится: «человѣкъ, стремящійся къ идеаламъ, не долженъ думать ни о жизни, ни о смерти, а только смотрѣть за тѣмъ, чтобы, дѣлая что-нибудь, онъ поступалъ честно, какъ подобаетъ честному человѣку» Во вторыхъ-же, — и это главное — его дѣло слишкомъ важно, его призваніе слишкомъ высокое, чтобы отъ нихъ можно было отказаться: они ниспосланы были ему самимъ Божествомъ на балго всего общества: «Я знаю», говоритъ онъ съ благороднымъ достоинствомъ: «я даже убѣжденъ, что ничья заслуга передъ обще-

ствомъ не такъ велика, какъ мое повиновеніе велѣніямъ Божества. Я только и дѣлаю, что хожу и убѣждаю васъ всѣхъ, и стараго и малаго, оставить всякую заботу о матеріальныхъ благахъ и сосредоточиться преимущественно на совершенствованіи своей души. Добродѣтель, я говорю вамъ, за деньги не покупается, но за нею слѣдуютъ и деньги, и прочія земныя блага, общественныя и личныя». При такихъ условіяхъ развѣ отречься отъ дѣятельности не было бы равносильно измѣнѣ отечеству? «Каковъ бы ни былъ постъ, занимаемый человѣкомъ,—избралъ-ли послѣдній его самъ или онъ былъ назначенъ на него начальствомъ,—этотъ человѣкъ долженъ оставаться тамъ въ минуту опасности и не думать ни о смерти, ни о чемъ другомъ, кромѣ какъ о безчестіи... Какъ странно было бы, поэтому, о аѣниане, если бы я, который подъ Потидеей, Амфиполисомъ и Делиемъ стоялъ на своемъ посту, по приказу выбранныхъ вами полководцевъ, не страшась наравнѣ съ другими встрѣтить смерть лицомъ къ лицу,—теперь вдругъ изъ страха передъ смертью и другимъ подобнымъ покинулъ бы свой постъ, свою философскую миссію, ниспосланную мнѣ Божествомъ на благо свое и другихъ! Да, граждане, это было бы странно, и вы, дѣйствительно, имѣли бы тогда право привлечь меня къ отвѣтственности за отрицаніе боговъ,—за то, что изъ столь мелочныхъ расчетовъ я отказался повиноваться Божеству...».

Такая постановка вопроса рѣшаетъ все дѣло: всякая уступка и сдѣлка съ совѣстью была бы глубоко безнравственна. Компромиссъ невозможенъ,—и «я глубоко почитаю и уважаю васъ, аѣниане, но я скорѣе стану повиноваться оракулу, нежели вамъ, и покуда у меня хватитъ силъ и станетъ жизни, я не перестану преподавать философію и поступать, какъ я считаю нужнымъ». Этимъ было все сказано,—съ той благородной откровенностью и пламенной глубиной чувства, на какія способны лишь люди, беззавѣтно вѣрующіе въ бессмертную правоту своего дѣла. Сократово дѣло — общественная служба, «и если вы меня убьете, вы не скоро найдете другого, подобнаго мнѣ».

Эти заявленія показали раздраженнымъ судьямъ веркомъ самоувѣренности и наглости, и большинствомъ 280 противъ 220 голосовъ великій мудрецъ былъ признанъ виновнымъ по обоимъ

пунктамъ обвиненія. Оставалось опредѣлить наказаніе. По аѣинскому закону судъ въ этомъ не имѣлъ собственнаго голоса, а долженъ былъ выбирать между наказаніемъ, предлагаемымъ обвинителемъ, и тѣмъ, который назначаетъ себѣ подсудимый самъ, а такъ какъ Мелитъ и его товарищи требовали смертной казни, то теперь очередь была за Сократомъ. Въ подобныхъ случаяхъ было принято, чтобъ и подсудимый предложилъ наказаніе, хотя и болѣе легкое, нежели то, на которомъ настаиваетъ противная сторона, но все же достаточно серьезное, чтобы судъ могъ на него согласиться. Въ данномъ же случаѣ самое благоразумное было бы предложить изгнаніе, — весьма суровое наказаніе, на которомъ судъ, послѣ нѣкоторыхъ размышленій, вѣроятно, остановился бы изъ вниманія къ сѣдинамъ Сократа и его заслугамъ въ прошломъ. Сами друзья Сократа, ни на минуту не покидавшіе его во все время процесса, настаивали, повидимому, на этомъ; но мудрецъ упорно отказывался. Онъ согласенъ скорѣе умереть, нежели скитаться на старости лѣтъ по чужимъ странамъ, среди чуждой обстановки и незнакомыхъ людей. Ему придется влечить свою жалкую жизнь подъ вѣчнымъ страхомъ подобнаго же процесса, ибо кто можетъ поручиться, что, продолжая свою дѣятельность и въ изгнаніи, онъ и тамъ не вызоветъ такой же ненависти, какъ и здѣсь, въ Аѣинахъ? Ему опять будутъ угрожать процессъ и смерть, и ему вновь придется бѣжать, чтобы начать свои приключенія съизнова. Къ тому же, при его сознаніи не только своей невинности, но даже заслугъ передъ обществомъ, какъ можетъ онъ назначать себѣ наказаніе вообще, и еще такое суровое, какъ изгнаніе, въ особенности? Не будетъ ли это съ его стороны косвеннымъ допущеніемъ своей виновности? «Что же, о аѣиняне, могу я предложить? Не то-ли, что мнѣ слѣдуетъ по заслугамъ? Я проработалъ всю свою жизнь, не зная устали и не заботясь ни о чемъ, что такъ занимаетъ умы прочихъ людей, — ни о богатствахъ, ни о семьѣ, ни о военныхъ почестяхъ, ни о гражданскихъ должностяхъ, ни о народныхъ собраніяхъ, ни о партіяхъ. Что же мнѣ слѣдуетъ за это? Что полагается человѣку бѣдному, почти нищему, но общественному благодѣтелю, который нуждается въ обеспеченномъ — матеріально — досугѣ, чтобы продолжать свою благотворную дѣятельность?» И Сократъ, безъ ироніи, совершенно

серьезно и искренно приходитъ къ заключенію, что въ виду великихъ его заслугъ самой достойной для него участью было бы... содержаніе на общественный счетъ въ Пританеѣ на всю его остальную жизнь!

Такая неслыханная, вопіющая дерзость должна была окончательно взорвать судей; да и сами друзья философа, не смотря на все чувство восторженнаго удивленія къ такому поразительному нравственному величію, должны были вмѣстѣ съ тѣмъ признать безразсудство этихъ словъ и, то упрекая, то умолая, настаивать на томъ, чтобы онъ не шелъ на встрѣчу своей собственной гибели и предложилъ бы хоть какой-нибудь штрафъ. Сократъ уступилъ, но такъ какъ онъ — человѣкъ бѣдный, то какой штрафъ можетъ онъ предложить? Пожалуй, ему удастся собрать мину, и эту сумму онъ готовъ назначить въ качествѣ штрафа, «но, впрочемъ; Платонъ, Критонъ, Критобуль, Аполлоторъ и другіе мои друзья готовы поручиться за меня на сумму въ 30 минъ. Этотъ штрафъ, въ 30 минъ, я и предлагаю себѣ въ наказаніе».

Но ярость судей не знала уже предѣловъ и даже такая крупная пеня казалась смѣшною и оскорбительною: увеличеннымъ противъ прежняго большинствомъ въ 320 голосовъ противъ 180 произнесенъ былъ роковой приговоръ: въ виду доказанной виновности Сократа въ возводимыхъ преступленіяхъ,—а еще больше, быть можетъ, въ виду оскорбительнаго поведенія его на судѣ—мудрецъ долженъ умереть черезъ отравленіе. Осужденный покорно склонилъ свою голову передъ рѣшеніемъ суда и, послѣ нѣкотораго молчанія, произнесъ свое послѣднее слово. Онъ мягко упрекнулъ судей за то, что они не могли подождать, пока онъ, преклонный старикъ, чьи дни уже все равно были сочтены, умереть естественной смертію, и предсказывалъ имъ, что потомство осудитъ ихъ за эту излишнюю поспѣшность еще больше, чѣмъ за самый судъ. Для него же умереть ничего не значитъ: зло не можетъ коснуться честнаго человѣка ни при его жизни, ни послѣ его смерти. Онъ прощаетъ поэтому своихъ судей, которые ему лично не причинили никакого зла, хотя и не имѣли въ виду его блага. Онъ, однако, имѣетъ одну, единственную и послѣднюю просьбу къ нимъ: если его дѣти выростутъ и будутъ больше заботиться о богатствѣ и другихъ земныхъ благахъ, чѣмъ о добро-

дѣтели, или будутъ равнодушны къ тому, чѣмъ надлежитъ интересоваться, и возымѣютъ о себѣ болѣе высокое мнѣніе, нежели они имѣютъ на то право, то онъ умоляетъ судъ поступать съ ними такъ, какъ онъ поступалъ бы съ ними самъ. «Итакъ», заключаетъ онъ словами, дышащими глубокимъ раздумьемъ, «часъ разлуки насталъ: мы расходимся—я, чтобъ умереть, а вы—чтобы жить; но что лучше,—знаетъ одинъ лишь Богъ».

Сократу не суждено было умереть на слѣдующій же день, какъ это полагалось: корабль, который афиняне ежегодно отправляли въ Делось на праздникъ Аполлона, только-что отплылъ, а въ его отсутствіе не могла состояться никакая смертная казнь. Сократу пришлось въ ожиданіи своей скорбной участи просидѣть въ темницѣ съ оковами на ногахъ цѣлыхъ тридцать дней, но къ счастью онъ имѣлъ возможность ежедневно видѣть своихъ родныхъ и учениковъ и бесѣдовать съ ними по прежнему. Говорятъ, что за нѣсколько дней до его смерти въ темницу къ нему пришелъ богатый Критонъ, одинъ изъ наиболѣе преданныхъ Сократу учениковъ, и предложилъ ему бѣжать, сообщая, что онъ подкупилъ тюремщика, и что ихъ ждетъ корабль, готовый къ немедленному отплытію въ Тессалію. Но Сократъ отказался изъ уваженія къ законамъ, и Платонъ излагаетъ въ одномъ изъ своихъ діалоговъ, въ «Критонѣ» разговоръ, который мудрецъ имѣлъ по этому поводу съ своимъ ученикомъ и другомъ. Правда, въ виду того, что обо всемъ этомъ не упоминаетъ ни одинъ изъ другихъ извѣстныхъ намъ древнихъ писателей, есть сильное основаніе думать, что разговоръ, равно какъ и весь инцидентъ, поведшій къ нему, былъ просто вымышленъ Платономъ съ цѣлью опровергнуть господствовавшее мнѣніе о недостаткѣ лояльности Сократа; все же личность послѣдняго такъ ярко вырисовывается въ этомъ разговорѣ, и аргументы, которые Платонъ влагаетъ ему въ уста, столь характерны и психологически-вѣрны, что цѣнность діалога, какъ документа, мало чѣмъ уменьшается отъ сомнительной его достовѣрности. Выслушавъ доводы Критона относительно того, что мудрецъ не имѣетъ права умереть, когда у него есть возможность жить на благо свое и своихъ учениковъ и родныхъ, и что «никто не имѣетъ права произвести на свѣтъ дѣтей, кто не имѣетъ въ виду вскормить ихъ и воспитать», Сократъ въ видѣ аргумента,

просить Критона вообразить, что бы такое могли сказать имъ законы государства, если-бы, воплощенные въ плоть и кровь, они явились къ нимъ въ темницу и подслушали ихъ рѣчи. Они прежде всего сказали-бы, что ни одно государство не въ состояніи долго продержаться, когда отдѣльные его члены попираютъ его законы ногами, и что такое попираніе тѣмъ болѣе несправедливо и непозволительно, что оно совершенно незаслуженно. Ибо что, въ самомъ дѣлѣ, дурного сдѣлали они, законы, Сократу, на примѣръ? Отецъ его женился и произвелъ его на свѣтъ подъ сѣнью законовъ, онъ выросъ и воспитался подъ ихъ защитой, и онъ былъ ими же обученъ гимнастикѣ и музыкѣ. Имъ, въ сущности, онъ обязанъ большимъ, нежели родному отцу и матери, и если чудовищно оскорблять словомъ или дѣйствіемъ послѣднихъ, то во сколько разъ чудовищнѣе было-бы оскорблять ихъ, законы! И онъ, Сократъ, учитель нравственности, который непрестанно твердилъ о необходимости чтить родителей, какъ о священнѣйшемъ долгѣ и величайшей добродѣтели, могъ-бы рѣшиться попрасть законы, отказать имъ въ повиновеніи и уваженіи и тѣмъ явить собою примѣръ неблагодарнаго сына, въ комъ все святое и благородное уснуло на вѣки? Но еще больше: вскормивъ его и воспитавъ, одаривъ его всѣми неисчислимыми благами, какія только они въ состояніи были ему дать, они, законы, ничуть не удерживали его въ своей странѣ; напротивъ, какъ и всякому другому гражданину, достигшему совершеннолѣтія, они предоставляли ему полное право уйти отъ нихъ со всей своей семьей и имуществомъ. Законы, вѣдь, никого не удерживаютъ: кому они не нравятся, тотъ можетъ уходить, а если остается, то показываетъ, что доволенъ ими и готовъ слушаться ихъ во всемъ. Это—какъ-бы добровольное соглашеніе,—договоръ, въ который каждый гражданинъ вступаетъ по достиженіи зрѣлости: онъ—не формаленъ, но тѣмъ не менѣе дѣйствителенъ и основывается на томъ фактѣ, что гражданинъ остается въ странѣ и пользуется благами его законовъ. Сократъ же прожилъ на бѣломъ свѣтѣ 70 лѣтъ и, слѣдовательно, имѣлъ достаточно времени обдумать, нравятся-ли ему порядки его родины, или нѣтъ; но тѣмъ самымъ, что онъ остался жить въ Афинахъ, пребывая тамъ все долгое время своей жизни почти безвыѣздно и не интересуясь ничѣмъ, что происходило въ другихъ

городахъ, онъ показалъ, что онъ любитъ свою страну и соглашается уважать ея законы, образъ правленія, нравы и обычаи. Мало того, онъ обзавелся даже семьею и прижилъ дѣтей и, когда недавно, на судѣ, ему предлагали назначить себѣ изгнаніе, онъ отказался, тѣмъ самымъ отказываясь отъ послѣдней возможности съ честью уклониться отъ заключеннаго договора. Какъ глубоко безнравственно, какъ позорно было-бы поэтому, если бы Сократъ теперь отвергъ договоръ, который онъ самъ добровольно заключилъ и которому онъ слѣдовалъ всю свою жизнь! Сколько безстыдства нужно было-бы на то, чтобъ, нарушивъ этотъ контрактъ, онъ, Сократъ, сталъ потомъ опять проповѣдывать добродѣтель, справедливость и повиновеніе законамъ! «Таковъ, дорогой мой Критонъ», заключаетъ Сократъ: «таковъ голосъ, звучащій у меня въ ушахъ подобно звуку флейты, раздающемуся въ ушахъ священнодѣйствующаго въ таинствахъ. Этотъ голосъ звучитъ немолчно, не давая мнѣ слышать чей-либо другой, и я знаю, что все, что бы ты ни сказалъ, будетъ напрасно. Все же, говори, если знаешь что. «Ничего я не могу сказать больше, Сократъ», тихо промолвилъ опечаленный ученикъ. «Такъ иди же съ миромъ, Критонъ, и дай мнѣ исполнить волю Божества и идти, куда оно велитъ».

Событія послѣдняго дня изъ жизни Сократа изложены Платономъ въ другомъ его діалогѣ «Федонѣ». Самъ авторъ по болѣзни не присутствовалъ при кончинѣ своего учителя, и рассказъ ведется отъ имени Федона, любимѣйшаго ученика Сократа; тѣмъ не менѣе общая достовѣрность передаваемыхъ событій не подлежитъ сомнѣнію. Въ этотъ день, рано утромъ, собрались въ его келью его друзья и нашли его уже безъ цѣпей и въ обществѣ Ксантиппы и всей семьи. Увидавъ ихъ, Сократъ выслалъ жену и дѣтей и самъ остался наединѣ со своими учениками, чтобы побесѣдовать съ ними въ послѣдній разъ. Бесѣда этихъ въ точности мы не знаемъ: мы не можемъ принять за подлинныя тѣ, которыя передаетъ намъ Платонъ; тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что онѣ вертѣлись вокругъ вопросовъ о душѣ, ея безсмертіи, о гробѣ, о жизни за нимъ и т. д. Лица Сократовыхъ учениковъ были чрезвычайно грустны, глаза ихъ не разъ заволакивались слезами, и изъ груди то и дѣло вырывались глубокіе

вздохи. Сократъ же, играя кудрями Федона, ласково и нѣжно, какъ мать, утѣшалъ ихъ, указывая на неосновательность горя ихъ и говоря о необходимости умереть такъ или иначе. Съ той же силой діалектики, но быть можетъ съ большей мягкостью въ тонѣ, аргументировалъ онъ о вѣроятности загробной жизни, и такъ, какъ и прежде, пересыпалъ свои доказательства шутками, притчами и стихами изъ любимыхъ поэтовъ. Когда же солнце стало клониться къ закату и роковой часъ былъ уже близокъ, Сократъ удалился въ сосѣдную келью и принялъ ваню, послѣ чего велѣлъ позвать жену и сыновей. Давъ имъ необходимыя наставленія и ласково простившись, онъ поручилъ заботу о нихъ Критону и отослалъ ихъ, не желая, чтобы они присутствовали при его кончинѣ и испытали лишнія страданія. Вскорѣ вошелъ въ келью и тюремщикъ со скорбной чашей въ рукахъ: онъ попросилъ Сократа простить его за печальную, хотя и невольную обязанность, которую ему приходится исполнять, выразилъ всю ту безграничную любовь, которую мудрецъ успѣлъ ему внушить за это короткое время, и, давъ надлежащія наставленія, простился съ нимъ, еле удерживаясь отъ слезъ. Сократъ взялъ чашу цнѣкаты изъ его рукъ и, свершивъ молитву богамъ, спокойно, безъ волненія выпилъ ее. До сихъ поръ ученики его крѣпились, но тутъ они не выдержали: Федонъ залился слезами и, закрывъ голову хитонемъ, въ отчаяніи отвернулся къ стѣнѣ, а молодой Аполлдоръ, который весь день не переставалъ тихо плакать, разрыдался тутъ страстнымъ судорожнымъ воплемъ. Даже старикъ Критонъ не могъ удержаться и горько заплакалъ. Одинъ Сократъ сохранилъ обычное свое самообладаніе и нѣжными упреками и увѣщаніями заставилъ ихъ наконецъ замолкнуть. Послѣ этого, согласно наставленіямъ тюремщика, Сократъ принялся ходить по комнатѣ, пока не почувствовалъ тяжести въ ногахъ. Онъ слегъ на кровать, а тюремщикъ время отъ времени подходилъ къ нему, ощупывая ему ноги и спрашивая, чувствуетъ-ли онъ. Ядъ дѣйствовалъ, начиная съ конечностей, и по тому, какъ нечувствительность распространялась все выше и выше по тѣлу, можно было судить о постепенномъ угасаніи жизненныхъ функцій организма. Аполлдоръ пробовалъ здѣсь предложить дорогому учителю свою роскошную мантию съ цѣлью подостлать и на ней прилично испустить послѣдній вздохъ, но Сократъ только улыбнулся, спросивъ, неужели онъ ду-

маетъ, что его собственная одежда, годившаяся ему въ жизни, не можетъ годиться ему и въ часъ смерти? Межъ тѣмъ холодъ и окончѣлость распространялись постепенно по всему тѣлу, и когда дошли до поясицы, Сократъ, обратившись къ Критону, попросилъ его не забыть принести Эскулапу въ жертву пѣтуха, — въ знакъ исцѣленія. Критонъ обѣщалъ, но когда онъ спросилъ, можетъ быть ему еще чего-нибудь надо, отвѣта уже не послѣдовало. Сократъ только вздрогнулъ и вытянулся. Все было кончено, и Критонъ закрылъ глаза дорогому покойнику.

Такъ скончался Сократъ, — одинъ изъ удивительнѣйшихъ людей, какого когда-либо знало человѣчество. Лаэрдій передаетъ, что Афиняне вскорѣ послѣ его смерти раскаялись, поставили ему бронзовую статую и жестоко наказали его обвинителей. Это маловѣроятно, какъ уже доказывается тѣмъ, что Ксенофонтъ нашель нужнымъ, спустя шесть лѣтъ послѣ кончины Сократа написать апологетическія «Воспоминанія» о немъ. Быть можетъ, Лаэрдій былъ движимъ тѣмъ естественнымъ и благороднымъ чувствомъ, для котораго признаніе, хотя-бы и позднее, заслугъ любимаго человѣка все-же является нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ потерѣ. Но Сократъ въ подобной реабилитаціи не нуждается: память о немъ не умерла вмѣстѣ съ нимъ, и нравственный обликъ его на вѣки остался достояніемъ человѣчества, какъ прекрасный, недостижимый идеаль.

Для дѣтей и юношества.

- Иллюстрированныя сказки Андерсена. Полное собрание въ 6 томахъ. Съ 530 картинками. Перев. *Б. Порховской*. Ц. каждого тома 60 к., въ пап. 75 к., въ изд. перепл. 3 тома—2 р. 50 к.
- Иллюстрированныя романы Динненса въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой*. 1) Давидъ Копперфильдъ. 2) Домби и сынъ. 3) Оливеръ Твистъ. 4) Большая надежда. 5) Нашъ обмѣнъ кругъ. 6) Лавка древностей. 7) Кромка Доррингъ. 8) Тяжелыя времена. 9) Холодный домъ. 10) Николай Никльби. 11) Два города. 12) Мартинъ Чезвильтъ. Ц. каждого романа 40 к. Въ папкѣ 50 к. въ переплетѣ по 6 ром.—3 р. 25 к.
- Иллюстрированныя романы Вальтера-Скотта въ сокращенномъ перев. *Л. Шелгуновой*. 1) Веверлей, 2) Англиварій, 3) Робъ-Рой, 4) Айвенго, 5) Астрологъ, 6) Квентинъ Дорвардъ, 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ, 9) Ламмермурская невеста, 10) Легенда о Монгрозѣ, 11) Невериль Пикъ, 12) Пресвитерянка, 13) Пертская красавица, 14) Аббатъ, 15) Монастырь, 16) Пиратъ, 17) Карлъ Смѣлый, 18) Ричардъ Львиное Сердце, 19) Обручанныя, 20) Черный карликъ, 21) Приключенія Николы, 22) Редганглетъ, 23) Робертъ графъ Паризжскій, 24) Сень-Роянскія воды, 25) Опасный замокъ и два ластуха. Ц. каждого романа 40 к., въ папкѣ 50 к., въ переплетѣ по 5 романовъ въмястѣ 2 р. 80 к.
- № съвѣту! Собраниѣ дѣтскихъ разсказъ. *В. В. Огаркова*. Съ 29 рис. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к.
- Всякому гвздою свое мѣсто. *А. Круглова*. Съ 46 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ пап. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
- Дѣтскій маснарадъ. *Н. Авбелева*. Съ 16 р. Ц. 20 к.
- Блуждающіе огоньки. Собрн. дѣтск. разсказовъ. *Лажинной*. Со мног. рис. Ц. 1 р. Въ пап. 1 р. 25 к. Въ пер. 1 р. 60 к.
- Два прозаника. Шуточный разсказъ въ стихахъ *В. Буша*. Пер съ илмещ. 100 рис. 2-е изд. Ц. въ папкѣ 50 к.
- Русскія народныя сказки въ стихахъ. *А. Бранчанинова*. 62 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р.
- Черныя богатыри. *Б. Конради*. Со множествомъ рис. Цна 2 р. въ перепл. 2 р. 75 к.
- Въ добрый часъ! Собраниѣ дѣтскихъ разсказовъ. *А. Дикидъ*. Съ рис. Ц. въ папкѣ 1 р., въ переплетѣ 1 р. 25 к.
- Подружка. Книжка для маленькихъ дѣтей. *Сос. Востромъ*. Съ 130 рис. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ переплетѣ 1 р. 30 к.
- Задумешные разсказы. *П. Засодимскаго*. Два тома съ 135 рис. 2-е изд. Цна каждого 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ—2 р.
- Хорошіе люди. *В. Острогорскаго*. Съ 45 рисунками. 2-е изданіе. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к.
- Робинзонъ. Его жизнь и приключенія. *Гейбнера*. Съ 107 рис. Цна 30 к., въ папкѣ 40 к., въ перепл. 60 к.
- Изъ жизни и исторіи. *А. Арсенева*. Съ рис. Цна въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.
- Донъ-Кихотъ. *Сервантеса*. Сокращ. перев. для юношества. Съ 43 рис. Ц. 50 к., въ пап. 60 к., въ перепл. 90 к.
- Наглядныя несообразности. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ) *Ф. Павленкова*. 10 листовъ (на кажды. по 20 рис.). Ц. 1 р. „Объясненіе“ къ ямкѣ—Ц. 5 к.
- Математич. софизмы. 50 теоремъ, доказывающихъ, что $2 \times 2 = 5$ и т. п. *Обрежмова*. Ц. 40 к.
- Математическія развлеченія. *Люхаса*. Переводъ съ франц. Съ 55 фигурами и таблицами. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 75 к.
- Тройная головоломка. *В. Обрежмова*. Сборникъ геометрич. игръ. Съ 300 рис. и 39 вѣстѣ. Ц. 1 р.
- Образовательное путешествіе. *С. Ворисгофера*. Съ 73 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к.
- Чрезъ дебри и пустыни. *Ворисгофера*. Съ иллюстраціями. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к.
- Сказочная страна. *С. Ворисгофера*. Съ иллюстраціями. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ перепл. 2 р. 75 к.
- Приключенія контрабандиста. *С. Ворисгофера*. Съ иллюстрац. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переплетѣ 2 р. 25 к.
- Мученіи науки. *Г. Тисандье*. Переводъ подъ редакціей *Ф. Павленкова*. Съ 55 рис. 4-е изд. Ц. 1 р. 25 к., въ переплетѣ 2 р.
- Вечерніе досуги. *А. Круглова*. Съ 70 рис. 2-е изд. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к.
- Научныя развлеченія. *Г. Тисандье*. Переводъ подъ ред. *Ф. Павленкова*. Съ 353 рис. 4-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р. 25 к.
- Сказки Густафсона. Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.
- На землѣ и подъ землей. *В. Галузьева*. Со мног. рис. Ц. 1 р. 25 к. въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.
- До потолка. *Рони*. Съ 16 рисунками. Ц. 50 к.
- Рыжий графъ. Неразлучники. Дочь угольщика. *Засодимскаго*. Съ рис. Цна каждой книжки по 35 к.
- Живныя картины. *Смирнова*. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р.
- Янки Вологодскаго узда. *Круглова*. Съ 6 рис. Ц. 25 к.
- Незабудки. *А. Круглова*. Собрн. разсказовъ. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р.
- Несчастливцы. Повѣсть изъ жизни наѣкомыхъ. *Э. Кандеза*. Съ 56 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.
- Двадцать біографіи образованныхъ русск. писателей. *В. Острогорскаго*. Съ 20 портрет. Ц. 50 к., въ папкѣ 75 к., въ пер. 1 р.
- Приключенія сверчка. *Э. Кандеза*. Съ 67 рис. Ц. 2 р., въ пап. 2 р. 25 к., въ перепл. 2 р. 60 к.
- Исторія открытія Америки. *Лаже-Флерри*. 3-е изд. 52 рис. Ц. 75 к., въ пап. 1 р., въ пер. 1 р. 30 к.

Учебныя руководства и пособія.

- Наглядная азбука.** *Ф. Павленкова.* Съ 80 рис. 14-е изданіе. Ц. 20 в.
- Объясненіе къ „Наглядной азбуцѣ“** *Ф. Павленкова.* 7-е изд. Ц. 15 в.
- Родная азбука.** *Ф. Павленкова.* 10-е изд., съ 200 рис. Ц. 5 в.
- Азбука-копѣйка.** *Ф. Павленкова.* 10-е изд., 160 рис. Ц. 1 в.
- Наглядно-звуковыя прописи.** *Ф. Павленкова.* 1) Къ „Родному слову“ Ушискаго (400 рис.). 2) Къ „Азбуцѣ Буанова“ (460 рис.). 3) Къ „Первой учебной книжкѣ“ Паульсона (480 рис.). 4) „Обшя наглядно-звуковыя прописи“ (къ другимъ азбукамъ) (644 рис.) Цѣна каждой книжки 8 в.
- Церковно-славянскій букварь.** *Т. Лубенца.* 2-е изд. Ц. 5 в.
- Руководство къ „Церковно-славянскому букварю“.** *Т. Лубенца.* Ц. 15 в.
- Книга для обученія церковно-славянскому языку.** *А. Карюкова.* 2-е изд. Ц. 20 в. „Замѣтки для учителя“, обучающаго по этой книжкѣ. Ц. 10 в.
- Зернышко.** Первая послѣ азбуки книга для чтенія и письма. Съ приложеніемъ церковно-славянскіе грамоты и многими рисунками. *Т. Лубенца.* Ц. 30 в., 2-я кн. Ц. 40 в.
- Руководство къ „Зернышку“.** *Т. Лубенца.* Ц. 50 в.
- Самостоятельныя работы въ начальной школѣ.** *Т. Лубенца.* 2-е дополн. изд. Ц. 15 в.
- Нашъ другъ.** Книга для чтенія въ школѣ и дома. Составилъ баронъ *Н. Корфа.* 16-е изд. съ 200 рис. и портретами. Ц. 75 в.
- Триста письменныхъ работъ.** Задачи для упражненій въ письмѣ для всѣхъ 3-хъ отдѣленій начальной школы *Н. А. Корфа.* 2-е изд. Ц. 15 в.
- Первоначальное правописаніе.** 40 диктопокъ съ указан. грам. правилъ. *Н. А. Корфа.* Ц. 12 в.
- Руководитель для воскресныхъ школъ.** Барона *Н. А. Корфа.* Ц. 50 в.
- Итоги народнаго образованія въ Европейскихъ государствахъ.** Барона *Н. А. Корфа.* Ц. 60 в.
- Начальная русская грамматика.** *Н. Бучинскаго.* Ц. 30 в.
- Элементарная грамматика русскаго языка.** *Чудина.* Ц. 50 в.
- Сборникъ задачъ по русскому правописанію.** *Разыграева:* 1) Элементарныя свѣд. о правописан. словъ. Ц. 50 в. 2) Систематическія свѣд. о правописан. словъ. Ц. 50 в. 3) Элемент. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 в. 4) Систем. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 в.
- Иллюстрированная хрестоматія.** *А. Тарнаускаго.* Для низшихъ учебн. заведеній и младш. классовъ гимназій. Съ 80 рис. 4-е изд. Ц. 60 в.
- Сборникъ ариметическихъ задачъ.** *Лубенца.* 13-е изд. (около 2000 задачъ и 3000 численн. задачъ примѣровъ). Ц. 40 в. Тотъ же „Сборникъ“ по частямъ: Годъ I—12 в. Годъ II—15 в. Годъ III—20 в.
- Методика ариметики.** *Т. Лубенца.* Ц. 30 в.
- Стѣнная таблица мѣръ.** *Т. Лубенца.* Ц. 10 в.
- Сборникъ самостоятельныхъ упражненій по ариметикѣ.** Задачникъ для учениковъ. *С. Житкова.* Цѣна 25 в.
- Методика аримет.** *Житкова.* 3-е изд. Ц. 75 в.
- Сборникъ ариметическихъ задачъ съ учительемъ.** Приложеніе къ „Методикѣ ариметики“. *С. Житкова.* 4-е изд. Ц. 40 в.
- Общепонятная геометрія.** *Потоцкаго.* Ц. 40 в.
- Практическая геометрія.** *Заблотаго.* Съ 300 чертежами. Ц. 60 в.
- Общедоступное землѣмѣріе.** *А. Колмановскаго.* Съ 279 рис. въ текстѣ. Ц. 75 в.
- Алгебра.** *Тодгендера.* Ц. 2 р. 50 в.
- Сборникъ алгебр. задачъ.** *М. Савицкаго.* Ц. 40 в.
- Курсъ начальной механики.** *Рыкачева.* Съ 197 рис. Ц. 1 р. 50 в.
- Первое знакомство съ физикой.** *М. Герасимова.* 96 рис. Ц. 50 в.
- Полный курсъ физики.** *А. Гано.* Переводъ *Ф. Павленкова* и *В. Чернасова.* 8-е изд. съ 1363 рисунк., 170 задачъ, 2 таблица спектровъ, метеорологія и краткая химія. Ц. 4 р.
- Курсъ метеорологіи и климатологіи.** *Д. А. Лачикова.* 122 рис. и 6 карт. Ц. 2 р.
- Общедоступная астрономія.** *К. Фламмариона.* Со 100 рисунк. 3-е изд. Ц. 1 р.
- Учебникъ химіи.** *Альмедингена.* 96 рис. 140 задачъ. Ц. 2 р.
- Общія основы химической технологіи.** *В. Селазнева.* Съ 70 рисунками. Ц. 1 р. 50 в.
- Крат. курсъ ботаники.** *Слазова.* 118 рис. Ц. 50 в.
- Первыя понятія о зоологіи.** *Поля Вера.* Переводъ подъ редакціей проф. *И. Мечникова.* Съ 345 рис. 2-е изд., съ портрет. автора Ц. 1 р.
- Въ наукѣ 1 р. 20 в. Въ перепл. 1 р. 50 в.**
- Нач. курсъ географіи.** *Корнелля.* 11-е изд., 10-ю раскраш. картъ и 82 рис. Ц. 1 р. 25 в.
- Дешевый географическій атласъ.** Десять раскрашен. картъ. Ц. 30 в.
- Географія.** *Ластенева.* Ц. 30 в.
- Эпизодическій всеобщій курсъ исторіи.** *Лувенева.* 2-е изданіе. Цѣна 1 р.
- Очерки новейшей исторіи.** *Григоросича.* 6-е изд. Съ 57 портрет. Ц. 2р., въ перепл. 2р. 75 в.
- Азбука домоводства и домашней гігіены.** Сост. *М. Клима.* Ц. 75 в.
- Руководство къ рисованію анварелью.** *А. Дакиссая.* 120 рис. и 6 вѣв. Ц. 1 р. 50 в.

Пріобрѣтеніе и отчужденіе имущества

№ 3. „Популярно-юридической бібліотеки, составленной *Н. В. Абрамовымъ.* Цѣна 25 коп.

СКАЗОЧНАЯ БИБЛИОТЕКА.

Въ составъ этой библиотеки войдутъ избранныя сказки всѣхъ странъ и народовъ. Всѣхъ книгъ не предполагается выпустить етъ 150 до 200. Въ каждой книжкѣ помѣщается одна больша или нѣсколько маленькихъ сказокъ, иллюстрированныхъ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ рисунковъ. Всѣ книжки измѣряются отъ первой до послѣдней. Цѣна книжекъ отъ 5 до 25 коп.

До 1 февраля 1896 г. выущено 78 книжекъ, въ составъ которыхъ вошли слѣдующія сказки:

№№

СКАЗКИ АНДЕРСЕНА.

- книжекъ
1. Дочь богатога царя. Съ 15 рис., портретомъ и биографіей Андерсена (15 коп.).
 2. Райскій садъ. Съ 6 рис. (8 коп.).
 3. Домовой и лавочникъ. Свинья-копилка. Папичьядворъ. Красныя башмачки. Съ 6 рис. (10 коп.).
 4. Супъ изъ колбасной палочки. Съ 6 рис. (6 к.).
 5. Оле-Лукой-Оле. Ленъ. Свинья. Капля воды. Съ 8 рис. 10 коп.).
 6. Цвѣтъ маленькой Иды. Сосѣднія семейства. Пасхунка и трубочистъ. Съ 10 рис. (10 коп.).
 7. Снѣжная царца. Съ 18 рис. (15 к.).
 8. Анна-Лявбета. Съ 10 рис. (5 к.).
 9. Самое невѣроятное. Комета. Небесный листъ. Съ 9 рис. (5 к.).
 10. На дюнахъ. Съ 8 рис. (15 к.).
 11. Послѣдній союзъ стараго дуба. Калѣва. Съ 8 рис. (8 коп.).
 12. Вузняя старушка. Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ. Съ 9 рис. (8 коп.).
 13. Колоколь. Стойкій оловянный солдатикъ. Мотылекъ. Съ 7 рис. (6 коп.).
 14. Ибъ и Христиночка. Словидѣніе. Перо и чернильница. Съ 10 рис. (10 к.).
 15. Камень мудрости. Съ 5 рис. (8 к.).
 16. Большой морской змѣй. Свѣчи. Съ 4 рис. (5 коп.).
 17. Золотое сокровище. Блота и профессоръ. Съ 10 рис. (6 коп.).
 18. Двѣ лебеди. Съ 6 рис. (8 к.).
 19. Сынъ привратника. Съ 9 рис. (8 к.).
 20. Морская царевна. Должна-же быть разница. Съ 10 рис. (10 коп.).
 21. Сохой. Жаба. Съ 11 рис. (8 к.).
 22. Попутчикъ. Съ 7 рис. (8 к.).
 23. Исторія ляги горошинъ. Елка. Дѣвочка со спичками. Съ 6 рис. (6 к.).
 24. Какъ ши счастья. Съ 7 рис. (10 к.).
 25. Она нигуда не годилась. Старый домъ. Дѣтская болтовня. Съ 7 рис. (8 коп.).
 26. Исторія одной матери. Кто-жъ въ этомъ сомнѣвается. Названный шумъ. Съ 9 рис. (8 к.).
 27. Везобразный утенокъ. Маргаритка. Серебряная монетка. Съ 13 рис. (8 к.).
 28. Тѣнь. Мѣдный кабанъ. Какъ старикъ ни сдѣлаетъ—все хорошо. Съ 9 рис. (10 к.).
 29. Буклочное горлышко. Подъ яной. Съ 13 рис. (10 к.).
 30. Дѣва льдовъ. Съ 19 рис. (18 коп.).
- ## СКАЗКИ ГАУФА.
31. Холодное сердце. Съ 10 рис., портретомъ и биографіей Гауфа. (18 коп.).
 32. Сказка о Баллиф-ангелѣ. Молодой англичанинъ. Съ 10 рис. (12 к.).

№№

СКАЗКИ ГУСТАФОНА.

- книжекъ
33. Преданіе о золотомъ. Маленькій Музы. Съ 16 рис. (15 к.).
 34. Карлтъ-посъ. Съ 10 рис. (12 коп.).
 35. Приключеніе Самы. Съ 11 рис. (15 к.).
 36. Принцъ-Самозванецъ. Эврей Абнеръ, который ничего не видалъ. Съ 7 рис. (10 коп.).
37. Корона морского царя. Друзья короля Османа. Неумѣстная гордъ стъ. Король Карій. Съ 10 рис., портретомъ и биографіей Густафсона (10 коп.).
 38. Пастухъ и принцесса. Цвѣтъ радости. Тавъ водителъ на войнѣ. Барка. Съ 10 рис. (10 к.).
 39. Храмы истины. Король, страдавшій безсонницей. Каменная глыба. Скорослѣпа. Попугай и жаворонокъ. Съ 12 рис. (10 к.).
 40. Паризская мушка. Бѣлка. Исторія одного дерева. Земной глобусъ папы. Съ 10 рис. (10 к.).
 41. Три брата. Маленькій сборникъ сказокъ. Съ 9 рис. (10 коп.).

СКАЗКИ ЖОРЖЪ-ЗАНДЪ.

42. Говорящій дубъ. Красный молотокъ. Съ 9 рис., портретомъ и биографіей Жоржъ-Зандъ. (18 к.).
43. Розовое облако. Съ 5 рис. (12 коп.).
44. Великанъ Луусъ. Съ 6 рис. (10 коп.).
45. Крамль мужества. Съ 9 рис. (25 коп.).

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ

въ стихахъ.

№№ 46 по 70, цѣна каждой книж. 10 к.

СКАЗКИ КАРМЕНЬ СИЛЬВА.

71. Омуть. Замокъ гѣдымы. Съ 10 рис., портретомъ и биографіей Карменъ Сильва. (15 к.).
72. Оленья долина. Визанецы. Чахлау. Съ 11 рис. (15 коп.).
73. Пѣтра Арса. Каранманъ. Вирфуль-кудери. Фурника. Съ 13 рис. (15 коп.).

СКАЗКИ ЛАБУЛЪ.

74. Мальчикъ-съ-пальчикъ. Маленькій человекъ. Доволенъ-ли ты? Или приключеніе съ и-самы. Съ 16 рис., портретомъ и биографіей Э. Лабулъ. (15 коп.).
75. Иванъ и Финета. Съ 17 рис. (15 коп.).
76. Зербинъ биржеу. Золотое руно. Съ 21 рис. (18 коп.).
77. Наша-Пастухъ. Фраголетта. Вожы гуся. Съ 25 рис. (15 коп.).
78. Ваць-Ваць. Съ 13 рис. (15 коп.).

Въ составъ слѣдующихъ книжекъ войдутъ сказки Асбергсона, братьевъ Гриммъ, Перро и пр. При дѣлѣ книжекъ сдѣлано такое же измѣненіе, какъ и въ предыдущихъ книжкахъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

- 1) Демонъ. Съ 9 рис. Ц. 6 к.—2) Ангелъ Смерти. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—3) Измаиль-Бей. Съ 9 рис. Ц. 10 к.—4) Хаджи-Абрекъ. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—5) Бояринъ Орша. Съ 7 рис. Ц. 4 к.—6) Пѣсни про купца Калашникова. Съ 7 рис. Ц. 3 к.—7) Мцыри. Съ 7 рис. Ц. 4 к.—8) Аулъ Бастунджи. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—9) Литвинка. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—10) Каллы. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—11) Кавказскій плѣнникъ. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—12) Корсаръ. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—13) Чернышъ. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—14) Джулио. Съ 8 рис. Ц. 3 к.—15) Назначейша. Съ 5 рис. Ц. 4 к.—16) Герой нашего времени. Съ 28 рис. Ц. 25 к.—17) Бала. Съ 9 рис. Ц. 8 к.—18) Тамань. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—19) Нижина Мери. Съ 9 рис. Ц. 12 к.—20) Фаталистъ. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—21) Призракъ. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—22) Маскарадъ. Съ 5 рис. Ц. 10 к.—23) Испанцы. Съ 5 рис. Ц. 10 к.—24) Ашмъ-Керибъ. Съ 5 рис. Ц. 2 к.—25) Книгина Лиговская. Романъ. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—26) Люди и страсти. Трагедія. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—27) Станный человѣкъ. Драма. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—28) Два брата. Драма. Съ 5 рис. Ц. 5 к.—29) Въ баллады и легенды. Съ 3 рис. Ц. 5 к.—30) Повѣсти изъ современной жизни. Съ 9 рис. Ц. 7 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

- Русланъ и Людмила. Съ 8 картинками, ц. 10 к.—Кавказскій плѣнникъ. Съ 3 карт. ц. 3 к.—Братья Разбойники. Съ 3 карт. ц. 3 к.—Бахчисарайскій фонтанъ. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Цыганы. Съ 3 карт., 3 в.—Полтава. Съ 5 карт., ц. 6 к.—Галубъ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказна о царѣ Салтантѣ. Съ 3 карт., ц. 4 к.—Сказна о попѣ и работникѣ Балдѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказна о мертвой царевнѣ. Съ 2 карт., ц. 3 к.—Сказна о золотомъ пѣтушкѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказна о рыбакѣ и рыбѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Пѣсни западныхъ славянъ. Съ 3 карт., ц. 4 к.—Евгеній Онѣгинъ. Съ 11 карт., ц. 20 к.—Графъ Нулинъ. Съ 3 карт., ц. 2 к.—Домикъ въ Коломнѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Мѣдный всадникъ. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Анджело. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Борисъ Годуновъ. Съ 9 карт., ц. 10 к.—Скупой рыцарь. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Моцартъ и Сальери.—Съ 2 карт., ц. 2 к.—Каменный гость. Съ 3 карт., ц. 2 к.—Пиръ во время чумы. Съ 2 к., ц. 2 к.—Русалка. Съ 4 карт., ц. 3 к.—Выстрѣлъ. Съ 2 карт., ц. 3 к.—Метель. Съ 2 карт., ц. 3 к.—Гробовщикъ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Станціонный смотритель. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Барышня-крестьянина. Съ 2 карт., ц. 4 к.—Пиковая дама. Съ 3 карт., ц. 5 к.—Дубровскій. Съ 5 карт., ц. 10 к.—Арапъ Петра Великаго. Съ 3 карт., ц. 6 к.—Напитанская дочка. Съ 11 карт., ц. 20 к.—Исторія Пугачевского бунта. Съ мног. карт., ц. 20 к.—Всѣ поэмы. Съ 21 карт., ц. 25 к.—Всѣ сказки. Съ 6 карт., ц. 10 к.—Всѣ баллады и легенды. Съ 4 карт., ц. 10 к.—Всѣ драматы. произведенія. Съ 17 карт., ц. 20 к.—Повѣсти Блжнина. Съ 7 карт., ц. 10 к.—Всѣ письма. Съ 26 портретами, ц. 25 к.

БИБЛИОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ.

- 1) Ручной трудъ. Составилъ Графиня. Домашній запасъ ремесламъ. Съ франц. 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.—2) Электрическіе звонки. *Воттона*. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Чер. съ амп. и допонила Д. Роловъ Ц. 1 р.—3) Руководство къ рисованію акварелью. *А. Кассини*. Съ франц. С. 150 рис. Ц. 1 р. 50 к.—4) и 5) Навсякій случай *А. Альмедина*. Научно-практическія свѣдѣнія по полеводству, садоводству, огородничеству, домоводству, по борьбѣ съ вредными насекомыми, грибами и паразитами, а также съ фальсификаціею пищевыхъ и другихъ веществъ. Двѣ части. Цѣна каждой 50 коп. 6) Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмедина*. Ц. 60 к. 7) Дѣтскій докторъ. Руководство для матерей и воспитателей. *Д-ръ Варю*. Съ франц. подъ редакціей профес. *Полонарева*. Ц. 1 р. 8) Гигіена дѣтства. *Э. Перье*. Ц. 50 к. 9) Уходъ за больными въ семьѣ. *Эцлера*. Ц. 50 к. 10) Уходъ за больными дѣтьми *Э. Перье*. Ц. 50 к.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА.

- 1) Экстазы человѣка. *П. Маттегациа*. Въ 2-хъ частяхъ Ц. 1 р. 50 к. 2) Психологія вниманія. *Д-ра Рибо*. Ц. 40 к.; 3) Берегите легкія! Гигіеническія бесѣды *д-ра Нилейера*. Съ 30 рис. Ц. 75 к.; 4) Современные психопаты, *д-ра А. Люллера*. Ц. 1 р. 50 к.; 5) Предсказаніе погоды. *А. Далле*. съ рис. Ц. 1 р. 25 к.; 6) Физиологія души. *А. Герцена*. Ц. 1 р.; 7) Психологія великихъ людей. *Н. Жюль*. 2-е изд. Ц. 1 р.; 8) Дарвинизмъ. *Э. Фергера*. Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. 60 к.; 9) Міръ грезъ. *Д-ра Симона*. Словидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзи. Ц. 1 р.; 10) Первобытные люди. *Дегбери*. Съ многими рис. Ц. 1 р.; 11) Законы подражанія. *Тардо*. Ц. 1 р. 50 к.; 12) Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо*. Съ портр. автора и нѣсколькими рис. 2-е изд. Ц. 1 р.; 13) Общедоступная астрономія. *Н. Фламмариона*. Съ 100 рис. 3-е изд. Ц. 1 р.; 14) Гигіена семьи *Гебера*. Ц. 50 к.; 15) Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы*. Съ 35 рис. Ц. 1 р.; 16) Наука о жизни. Попул. физиологія человѣка. *Н. Луиговича*. съ 92 рис. Ц. 1 р. 17) Элементарное въ природѣ. *Ж. Дарри*. Съ 192 рис. Ц. 1 р. 25 к. 18) Усталость. *Моссо*. Съ 80 рис. Ц. 1 р. 25 к. 19) Гигіена женщины. женщины-врача *Тило*. 40 к.

Новыя изданія Ф. ПАВЛЕНКОВА:

Биографіи: Ибсена, Платона, Франциска Ассизскаго и Шекспира.

Соціологія. Шарля Летурно. Пер. подь редакц. и съ предисл. профес. А. С. Травецкаго. Ц. 1 р. 50 к.

Антропологія. Крживицкаго. Пер. съ польск. подь ред. Р. И. Сементковскаго. Съ рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Физиологія страстей. Д-ра Ш. Летурно. Пер. В. В. Святловскаго. Ц. 1 р.

Очеркъ психологіи. Вундта. Перев. съ нѣмецк. Г. Паперна. Ц. 75 к.

Экономическая система Карла Маркса. Проф. Вѣнскаго университета Гросса. Перев. Раиховскаго. Новое изданіе. Цѣна 20 коп.

Исторія религіи. Проф. Мензиса. Пер. съ англ. М. Чепинской. 336 стр. Ц. 1 р.

Прогрессивная нравственность. Проф. Фаулера. Пер. съ англ., подь ред. Владиміра Соловьева. Ц. 40 к.

Психическіе факторы цивилизациі. Л. Уорда. Пер. съ англ. 324 стр. Ц. 80 к.

Представительное правленіе. Д. Стюарта Милла. Пер. съ англ. подь редакц. Р. Сементковскаго. Ц. 60 к.

Общественный прогрессъ и регрессъ. Проф. Греефа. Перев. съ французскаго. Г. Паперна. Ц. 1 р. 50 к.

Женщина передь судомъ науки. Жака Турбе. Переводъ съ франц. Е. Предтеченскаго. Ц. 30 к.

Наслѣдство и раздѣлъ. Я. Абрамова. Книжка эта составляетъ № 2 «Популярно-юридической библіотеки». Ц. 25 к.

Кометы и падающія звѣзды. Популярныя бесѣды Е. Предтеченскаго. Съ 26 рис. Ц. 40 коп.

Счастье и трудъ. Проф. П. Мантеганца. 3-е удешевл. изд. Ц. 50 к.

Преступная толпа. Опытъ коллективной психологіи. А. Сигеле. 2-е изд. Ц. 30 к.

Краткій курсъ ботаники. Сязова. 2-е изд. Ц. 50 к.

Правители и мыслители. Биографическіе очерки Е. Литвиновой. Содержаніе: Платонъ въ Сиракузахъ.—Фридрихъ Великій и философы.—Наполеонъ и Карно.—Александръ I и Лагарпъ.—Лейбницъ и Петръ Великій.—Христина и Декартъ.—Екатерина II и философы, и др. Ц. 1 р.

Живописная астрономія. К. Фламариона. Популярное описаніе вселенной, увѣнч. преміей отъ Француз. Акад. Наукъ Пер. съ послѣд. изд. Е. А. Предтеченскаго. 696 стр. бол. форм. съ 382 политип. и раск. рис. Ц. 3 р.

Повѣсти и рассказы И. Н. Потапенко. Т. XI. Содержаніе: Подвальный этажъ. Мишурисъ. Рѣшился. Гастролеръ. Октава. Тысяча талантовъ. Крещенскіе дни. Постная колбаса. Двѣнадцатый. Письмо Поэзія Ц. 1 руб.

Общественный организмъ. Рене Вормса, редак. Междунар. социолог. библи. и жур. «Revue Intern. de Sociologie». Перев. съ франц. подь ред. и съ предисл. профес. А. Травецкаго. Ц. 75 к.

Безсмертіе по эволюціонной теоріи. Популяр. лекц. Сабатъе, читан. въ Женевѣ. Перев. съ франц. В. Обреимова. 160 стр. больш. форм. Ц. 60 к.

Научныя забавы. Популярное описаніе явленій и опытовъ, основанныхъ на обманѣ чувствъ Около 200 стран. Со множествомъ рисун. Ц. 60 к., въ переплетѣ 1 р. 10 к.

Мозговая работа и переутомленіе. Д. Блекка. Перев. съ англійс. Ц. 30 к.

Соціальное развитіе. Веміамина Кидда. Съ предис. проф. Вейсмана. Перев. М. Чепинской. Ц. 75 к.

Исторія новѣйшей русской литературы. А. М. Скабичевскаго. 3-е изд. исправ., и дополн., съ 52 порт. въ текстѣ. Ц. 2 р.